Холодное море [очерки] - (Автолитографии и рисунки автора)

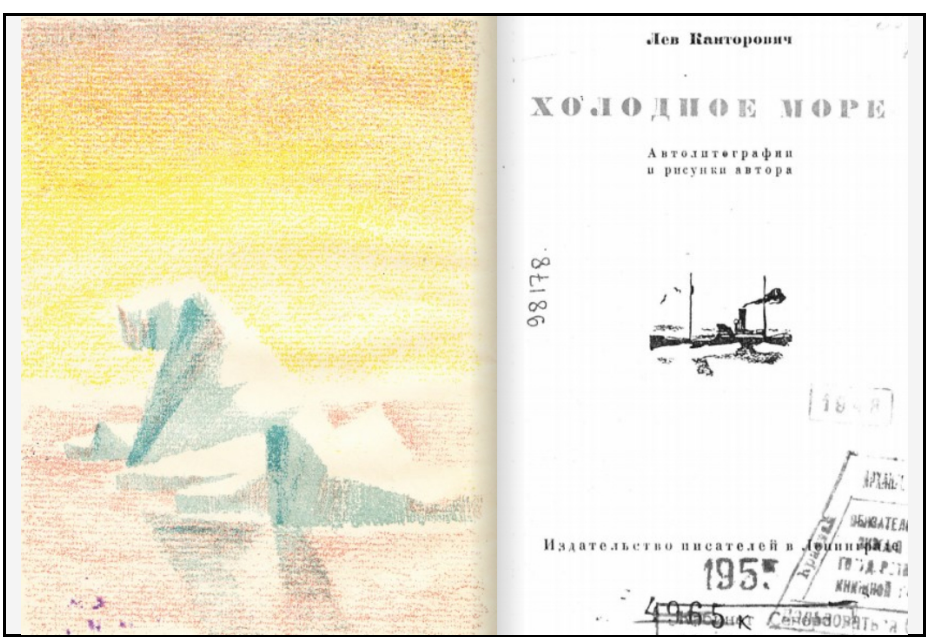
Лев Владимирович Канторович

SHOUT
SHARE
IT

-
-
- Предисловие В.Визе
- ТОРЖЕСТВО
- ХОЛОДНОЕ МОРЕ
- АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ
- СОЙМИКО
- ОХОТА
- СТОЯНКА ПО ВОЗМОЖНОСТЯМ
- ПРЕСТУПЛЕНИЕ СТАРМЕХА ТРУБИНА

Канторович Лев Владимирович

Холодное море (очерки)

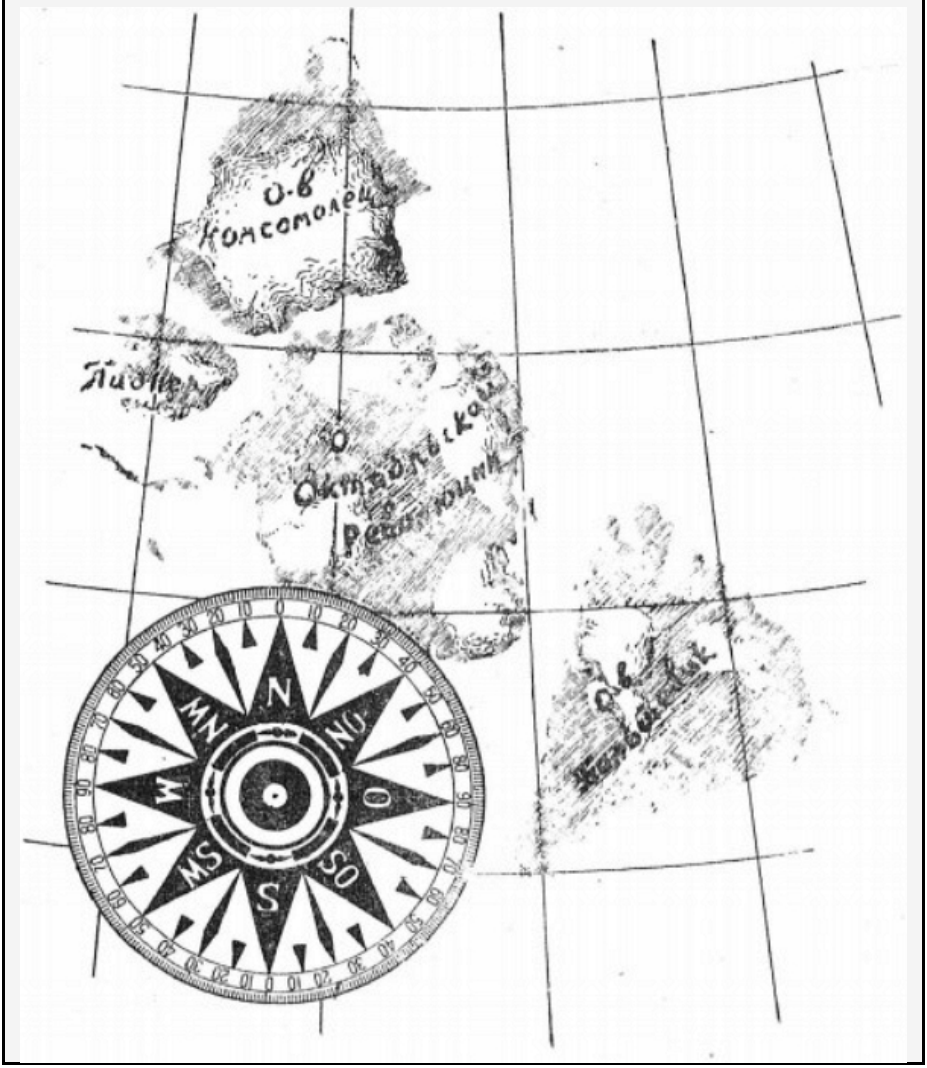


Предисловие В.Визе

Борьба, ведущаяся большевиками за освоение Арктики, не могла не привлечь к себе внимания работников искусств. Суровая и своеобразная природа, крепкие и своеобразные люди, упрямо шаг за шагом отвоевывающие у Арктики ее позиции, в течение веков казавшиеся неприступными, — эта тема, созвучная нашей эпохе социалистической стройки, бесспорно заслуживает того, чтобы быть отображенной в искусстве. И вполне понятно, что среди литераторов, художников и композиторов пробудилась сильная тяга в Арктику. Литераторы были неизменными участниками всех больших полярных экспедиций последних лет, в результате чего наша художественная литература об Арктике обогатилась целым рядом книг. К сожалению, качество этой литературы очень часто оставляет желать лучшего, и причислить ее к художественной можно лишь условно, поставив слово ”художественная” в кавычки. Одной из особенно досадных особенностей многих популярных очерков об Арктике является стремление показать Арктику и ее людей во что бы то ни стало в свете героики, для чего авторы не жалеют напыщенных слов и ложного пафоса, оставляющих у читателя — в особенности у знакомого с Арктикой — самый неприятный осадок.

Очерки Льва Канторовича отличаются от этой ходульно-героической арктической литературы весьма выгодно. Автор — художник, участник исторического похода ”Сибирякова“ в 1932 г. и Ленской экспедиции в 1933 г. — не задавался целью дать описание экспедиции; он выбрал только несколько небольших эпизодов, казавшихся ему особенно характерными или по той или иной причине заслуживающими внимания. В результате появилась эта книжка, представляющая собой собрание картин, нарисованных словом и карандашом. И природа и люди показаны в этих картинах так, как они есть на самом деле, без лишних прикрас, без навязанной героики. Правдивость и простота подкупают читателя этих страничек живой Арктики. В первом рассказе описывается заход ”Сибирякова” к островам Каменева в 1932 г. и встреча с зимовщиками Северной Земли Ушаковым, Урванцевым, Ходовым и Журавлевым. Колоритную фигуру этого последнего промышленника мы встречаем также в рассказе ”Охота”. В рассказе ”Холодное море” описывается плавание трех лесовозов из Архангельска в морс Лаптевых, выполненное в 1932 г. под проводкой ледокола ”Красин” (начальник экспедиции — Б. В. Лавров, начальник морской проводки — капитан Сорокин).

Отдельный рассказ посвящен полярному летчику А. Д. Алексееву, блестящие полеты которого оказали Ленской экспедиции большую помощь. Два последних рассказа касаются бухты ”Прончищевой”, в которой ледокольный пароход ”Русаков” (капитан — Б. И. Ерохин) построил летом 1933 г. промысловое становище и у входа в которую пароход ”Правда” имел несчастье сесть на мель. Все эти рассказы имеют не только художественную, но и документальную ценность, так как в них запечатлены действительные факты и настоящие, выхваченные из жизни люди.


О-в
Комсомолец
Октябрьской
Революции
NW
N
NO
W
O
WS
SO
S

ТОРЖЕСТВО

"...Кто хочет видеть гений человечества в его благороднейшей борьбе с суеверием и мраком,

тот пусть прочтет о людях, которые с развевающимися флагами стремились в неведомые края.

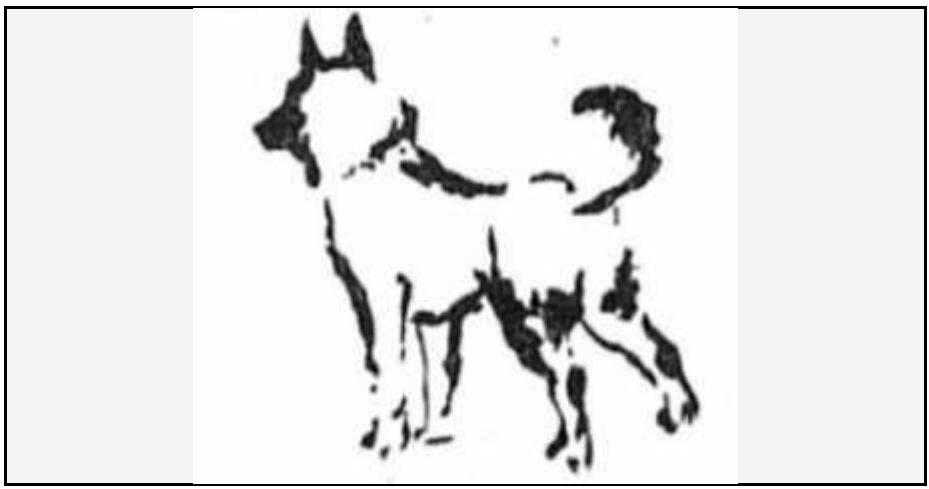
Человеческий дух не успокоится до тех пор, пока и в этих странах не станет доступна каждая пядь земли,

пока не останется здесь ни одной неразрешенной загадки..."
Fritiof Nansen

Четыре человека стояли во весь рост в шлюпке и стреляли в воздух.

Захлебываясь, тарахтел мотор, и шлюпка прыгала на бурых волнах.

Четыре человека - все население Северной Земли. Два года провели они совершенно одни на обледенелых островах. Через два года к Северной Земле подходил ледокол.



Еще за сутки до прихода с зимовщиками связались по радиотелефону. В белой рубке хрипловатый репродуктор заговорил прерывающимися от возбуждения голосами. Был точно назначен час прихода ледокола.

В полночь, когда показался дымок, зимовщики столкнули в воду шлюпку и завели мотор.

Было лето, и тусклое незаходящее солнце низко висело над

горизонтом.

На берегу, у маленького бревенчатого домика, остались одни собаки. Они с лаем подбегали к морю, возвращались к дому, снова подбегали к берегу. Некоторые, беспокойно повизгивая, совались в холодную воду и отскакивали обратно, отряхивая пушистые шкуры.

Шлюпка ушла далеко в море. В белесом тумане показались очертания ледокола. Тогда зимовщики дали первый салют. Они стреляли без перерыва до тех пор, пока шлюпка не подошла к борту ледокола. Потом они поднялись по трапу и стали обниматься со всеми людьми, которые стояли на палубе.

Они забросали прибывших вопросами. Им отвечали наперебой сразу все. Они ничего не понимали в этом веселом гомоне. Стояли, смущенно улыбаясь, оглушенные криками и объятиями.

Потом их повели в кают-компанию, и они сделали доклад о своей работе.

Они рассказали, как после ухода "Седова", который высадил их на берег и построил им хижину, они долго приводили в порядок снаряжение и продовольствие. Охотились, чтобы заготовить мясо собакам.

Потом море замерзло, и они стали совершать небольшие походы на собаках. Они устраивали базы продовольствия для людей и корма для собак. Короткими переходами двигались по намеченным маршрутам и забрасывали припасы все дальше и дальше в глубь островов.

Они рассказывали, как заносило снегом их дом, потому что они сложили дрова с той стороны, откуда обычно дули ветра. Снег наметало очень высоко. Засыпало дом до самой крыши. Летом они переложили дрова на другое место, и вторую зиму их не заносило.

Потом они рассказали, как весной они уезжали на собаках за сотни миль. Жили в палатке неделями. Продвигались от одной базы до другой, составляя карту Северной Земли. Возвращались к хижине, чтобы дать отдых собакам. Мылись в бане, спали и через два или три дня снова уезжали.

К нартам они приделали велосипедное колесо, и счетчик отмерял их путь милю за милей.

Ездило их трое: начальник, геолог и зверобой-промышленник. Четвертый, радист, все время сидел на зимовке. В крохотной комнатке была радиостанция.

Потом снова наступила зима, и стало темно. Они обрабатывали собранные весной и летом материалы и устраивали новые базы продовольствия.

В следующую весну они снова уехали. Им приходилось проезжать по ледникам и горам или пробираться по льду проливов, которые разделяют острова Северной Земли. Снова они шли от одной базы до другой. Собаки выбивались из сил, и люди впрягались в нарты.

Геолог собирал образцы пород. Обломки камней в аккуратных холщевых мешочках складывали в нарты.

Потом они рассказывали, как, открывая новые острова, проливы и горные хребты, они давали им имена и заносили на карту: мыс Серп и Молот, острова Октябрьская Революция, Комсомолец, Большевик, Пионер, мыс Визе, мыс Лаврова, мыс Шегенова.

Они нашли признаки олова и полезных ископаемых.

Карта Северной Земли возникала все отчетливее.

Они убили сто белых медведей и очень много моржей, нерп и морских зайцев.

Кончив доклад, они показали свою карту: они привезли один экземпляр в подарок ледоколу. На карте обозначены астрономические пункты и магнитные аномалии. Она совершенно непохожа на расплывчатый пунктир, который был на месте Северной Земли на всех картах мира до их зимовки. Зимовщикам пришлось сделать несколько тысяч миль на собаках, для того чтобы нарисовать берега островов тонкой чертежной линией на голубой кальке.

Над серым морем бурые камни горных хребтов. Тускло поблескивают ледники. В низинах снег кое-где стаял. Там проступают чернотой голые каменистые прогалины. Легкий туман окрасил горы и низкое небо в белесые, лиловые тона. У самого берега стоит на мели огромный айсберг. Айсберг, изумрудно-зеленого цвета, странной формой напоминает утку.

Хижинка зимовщиков - маленькая точка с черточкой-радиомачтой на фоне мрачного великолепия скалистых нагромождений, придавленных расплывчатыми свинцовыми облаками большого неба.

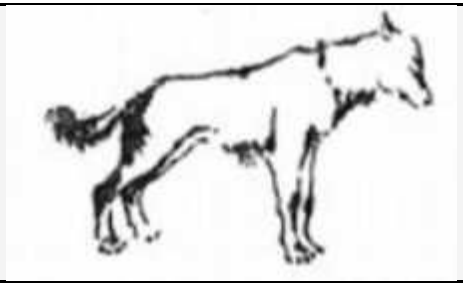
Тихо подходит ледокол к низкому берегу островов Каменева.

Мы провели с зимовщиками тридцать суматошных часов. Все это время никто не ложился спать, были отменены сами собой обеды и ужины, исчез размеренный судовой распорядок.

Мы слушали рассказы зимовщиков, с уважением рассматривали их оружие и меховую одежду. На берегу мы видели аккуратно сложенный и покрытый брезентами штабель свернутых медвежьих шкур.

Вокруг домика кружились собаки. Их было три поколения: ветераны, прибывшие на Северную Землю два года тому назад,

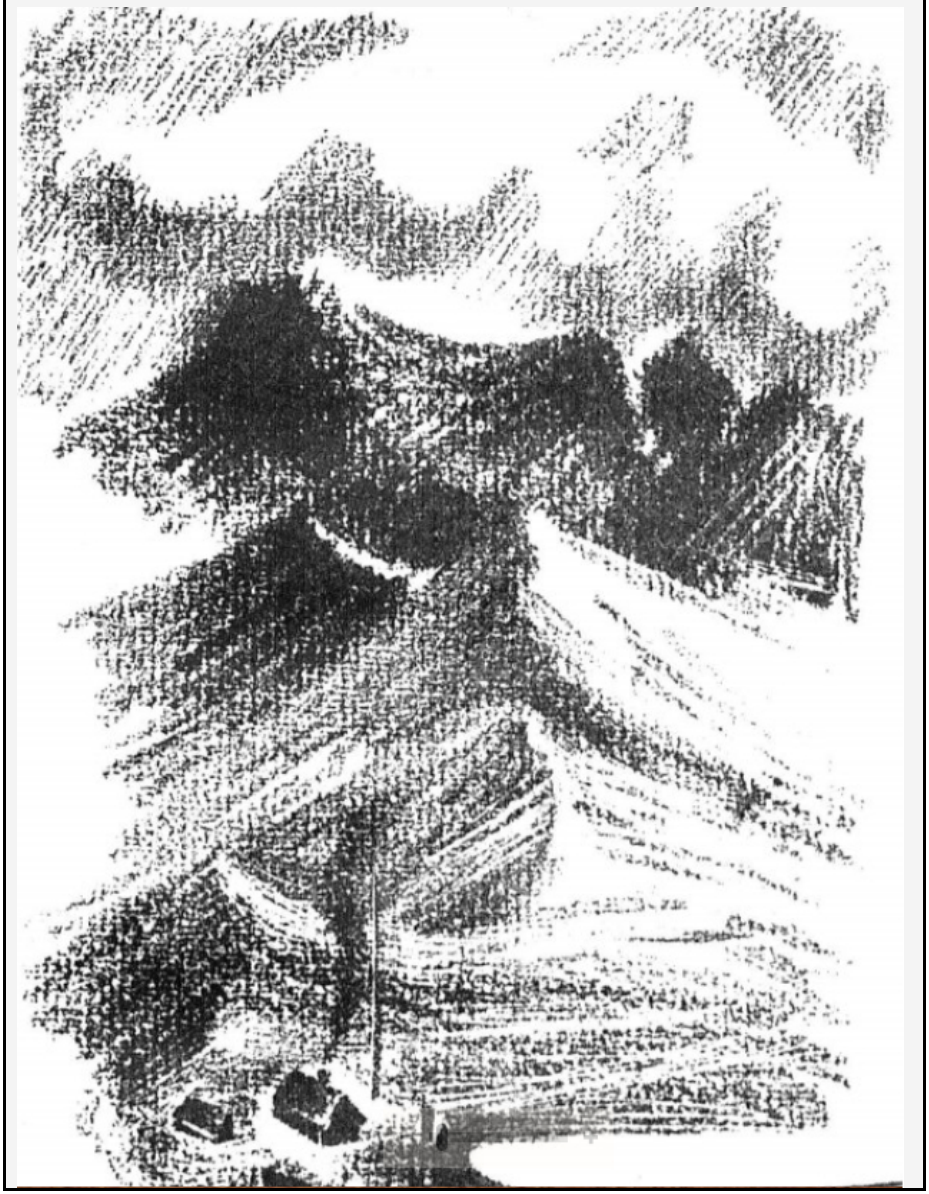
ободранные и старые; молодые - их первое потомство, и совсем маленькие щенки, прекрасной породы, веселые и сытые. Среди ветеранов ковылял мохнатый, мрачный и глухой Юшар. У него вместо пальцев были ровненькие, голые костяшки. Он стер лапы на бегу о твердый, как битое стекло, снежный наст и, непригодный уже к работе, жил теперь как на персональной пенсии.



Мы облазили все уголки зимовки. В скупой обстановке домика все было приспособлено для суровой работы.

Показался дымок второго ледокола, который должен был сменить зимовщиков, и мы отошли от островов Каменева.

Четыре человека проводили нас ружейным салютом. Несложное это приветствие прекрасно выражает любые радости и огорчения.

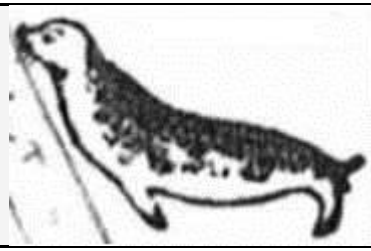


ХОЛОДНОЕ МОРЕ

"Что делать: полярные путешествия, говорят, приучают к большому терпению..."

И. С. Соколов-Микитов.

"Море, люди, дни"

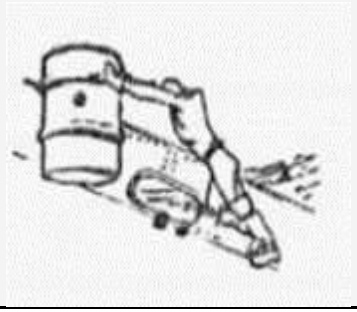


Океанские лесовозы везут в Арктику людей, продовольствие и снаряжение. В трюмах не хватает места, и палубы завалены экспедиционными грузами. Бочки, вперемежку с бревнами для домов, ящиками и мешками, беспорядочно затиснуты между высокими фальшбортами. Грузы принайтовлены запутанной сетью канатов. В сложном лабиринте с трудом пробираются по палубе люди.

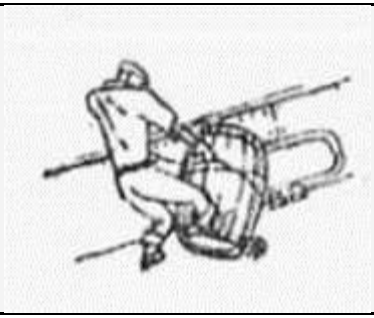
Тут же в маленьких закутках стоят коровы и свиньи: живые запасы мяса. Коровам так тесно, что они трутся друг о друга впалыми боками.

В шторм, когда корабль неуклюже и надоедливо болтается из стороны в сторону, бочки скрипят, передвигаясь и перекатываясь, коровы стонут от мучительной морской болезни. Они тяжело переступают дрожащими ногами, с низко опущенных морд стекает обильная слюна. В больших слезящихся глазах смертельный ужас.

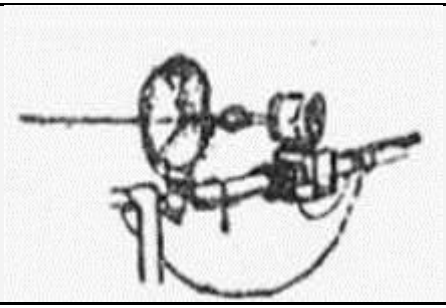
Вода ударяет в борта, и холодные брызги перекатываются через палубу.



В шторм люди на палубе превращаются в эквилибристов.

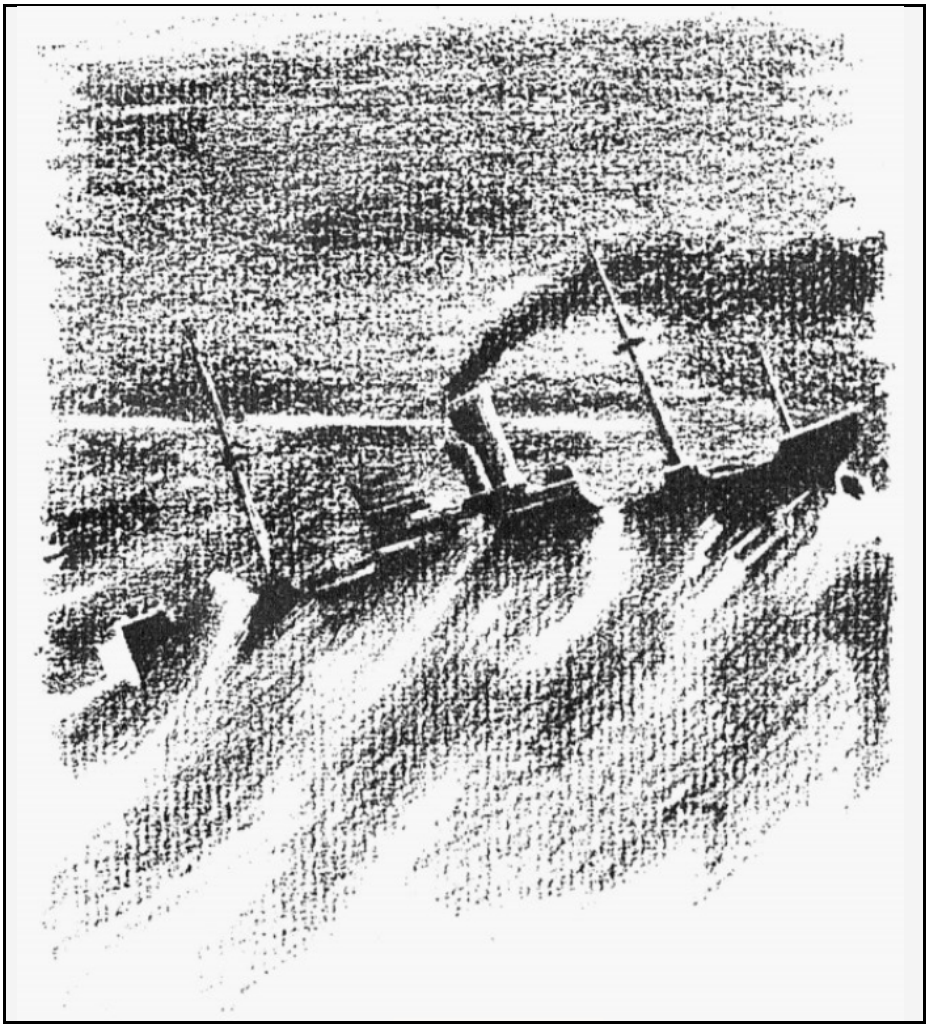


Часто на корабль обрушиваются огромные массы воды. Море грозит начисто смыть ящики и бочки. Тогда бросаются крепить груз заново. Люди мечутся по палубе, скользят и падают. Мокрые и озябшие, вяжут негнущиеся концы и забивают тяжелые деревянные клинья.

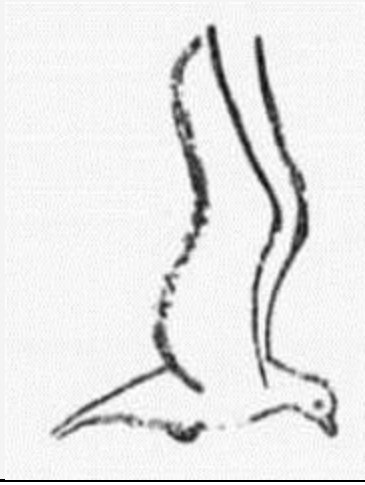


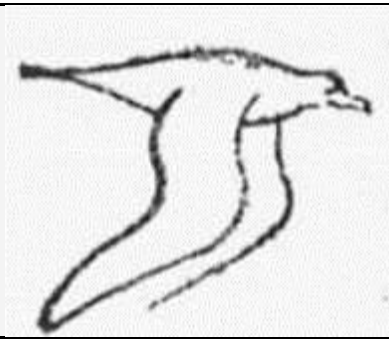
Тут же на палубе живут собаки. Некоторые из них привязаны цепями к релингам. Другие свободно ходят по судну. Собаки, голодные и тощие, спят, свернувшись клубком на сырой соломе. Они дрожат от холода и воют заунывно, по-волчьи.

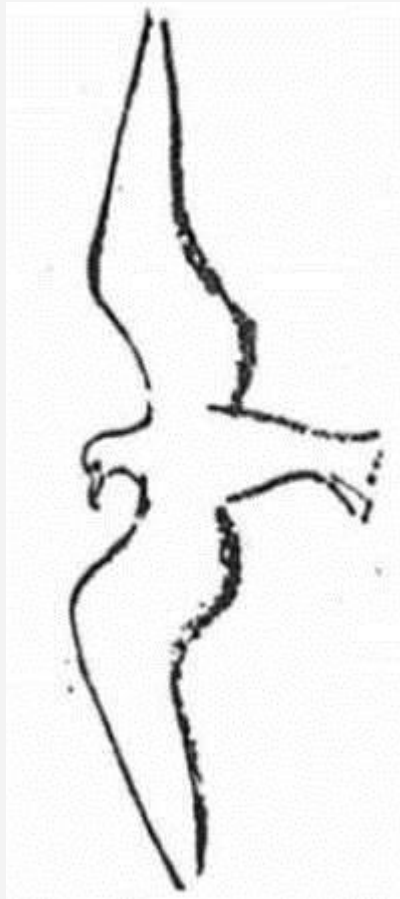
Черные корабли грузно переваливаются в свинцовых волнах. Белые гребни с монотонным всплеском разбиваются о борта. Иногда вода бьет на палубу, стремительно моет судно и с шумом сбегает по клюзам. За кормой бурные водовороты. Вдруг обнажается винт, и лопасти хлещут по поверхности, поднимая фонтаны блестящие брызг. Волны порывами натягивают лаглинь, и неравномерно крутится колесико лага.



За кораблем вьются чайки. Они то проносятся вперед, низко спустившись над водой и зацепляя крыльями пенистые гребешки, то поднимаются выше и отлетают назад. Ветер крутит их и топорщит белые перья.







На грузовых пароходах нет жилых помещений для пассажиров. В кубрик для людей экспедиции превратили один из угольных бункеров. В темном, низком и мрачном помещении тесные ряды нар из грубых, некрашеных досок. Узкие нары так коротки, что еле-еле можно вытянуться во весь рост. Нары в два этажа, причем верхний так придавливает нижний, что сесть на нарах невозможно. Над верхними нарами - палуба.

Лежат люди в невероятной тесноте и, ворочаясь во сне, переплетаются руками и ногами. Все свободное пространство завалено вещами и одеждой.

Едят здесь же, за длинным дощатым столом. Места за столом слишком мало, и обед проходит в три смены.

Стены кубрика - борта парохода, клепанные железные листы. Тоненькие струйки ржавой воды стекают со стен. Потолок кубрика - палуба. Два квадратные люка выходят наверх. Это "окна" и "вентиляторы". Люки заделаны деревянными навесами, но снег и дождь все-таки проникают в кубрик.

Темно. Под потолком круглые сутки горят шесть тусклых лампочек.

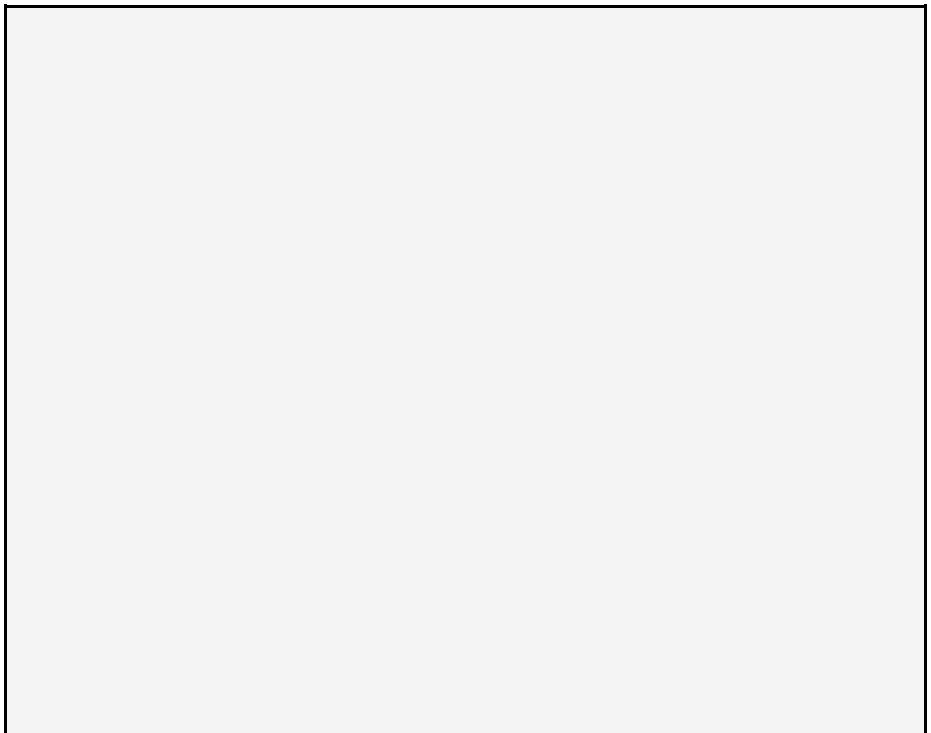
В кубрике невероятное смешение запахов. Смолой пахнут доски, из которых сколочены нары, жирный запах пищи смешивается с едким махорочным дымом и кисловатым запахом прелых тел.

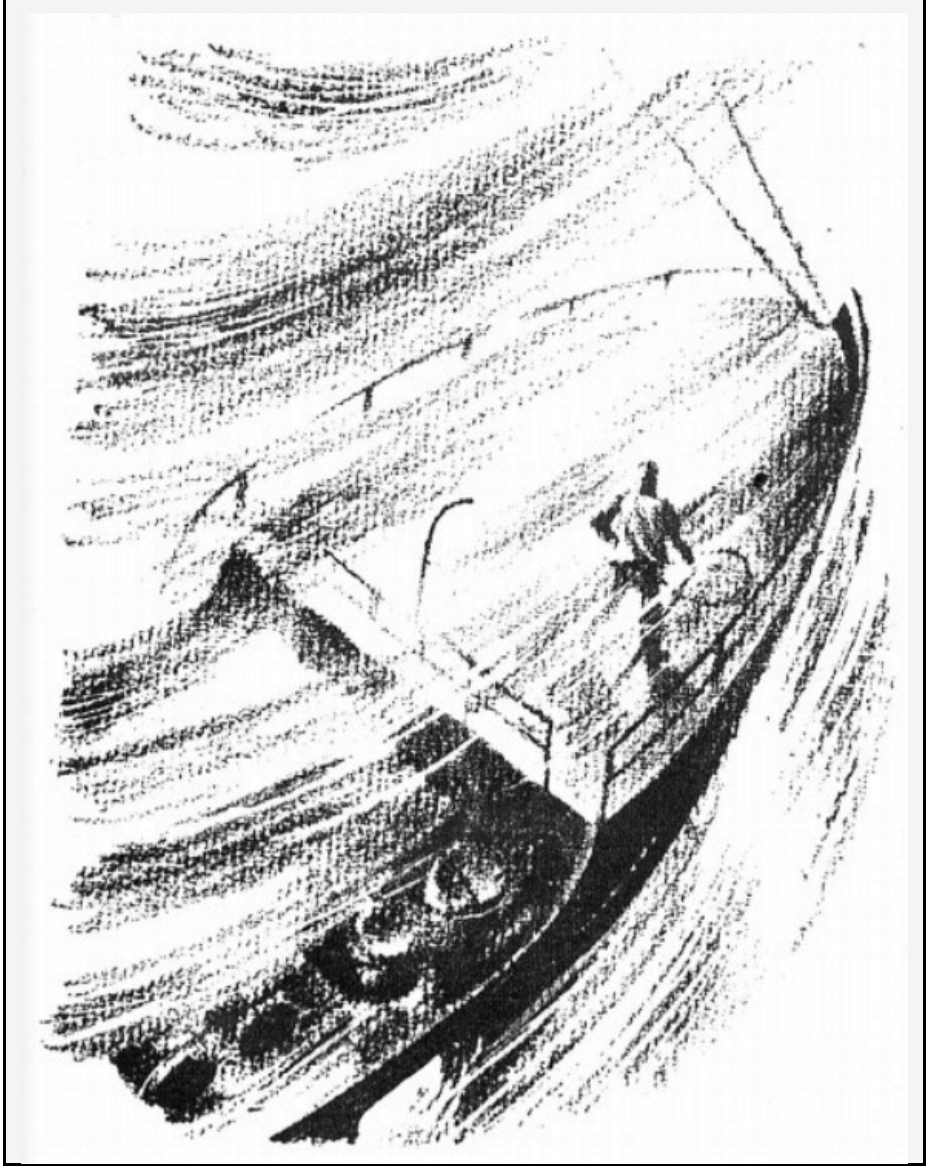
Пресной воды не хватает. Пьют воду солоноватую, тошнотворную и мутную, а умываются морской, забортной. Соленая морская вода не мылится, от нее волосы становятся твердыми, как проволока. Белье не сменяют неделями.

В кубрике стоит непрерывный гул громких разговоров и песен. Одновременно играет несколько расхлябанных гармошек, бренчат балалайки и гитары. В короткие паузы слышно назойливое хрипенье патефона. Особенно мучительна одна визгливая "испанская песня в исполнении артистки Неждановой". Треск расколотой пластинки и простуженное сипение аккомпанемента перекрывает пронзительный женский голос.

Из полумрака выступают выхваченные желтым светом бородатые лица. Люди играют в карты, домино, читают, пишут дневники и спят.

В пути научных наблюдений не ведут. После погрузки и сборов на берегу люди отдыхают, набираются сил для трудной работы.





Так едут на зимовку ученые, рабочие, промышленники, столяры и плотники.

После нескольких дней однообразного, скучного плавания по темным волнам Баренцова моря корабли подходят к Новой Земле.

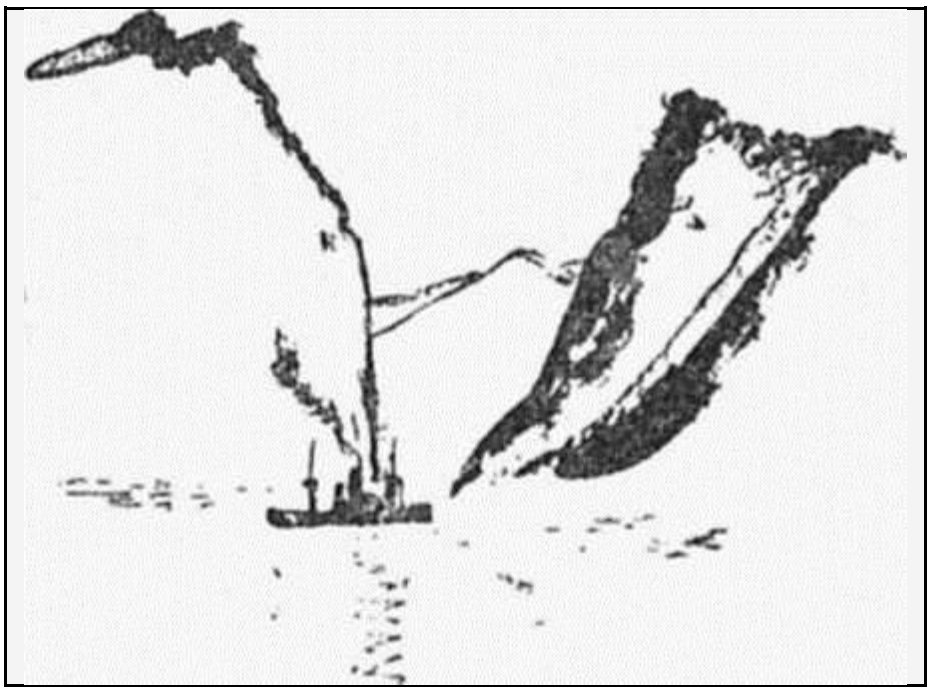
В туманном полусвете летней полярной ночи встали горы. Стихает волна, корабли замедляют ход. После непрерывного шума воды, бьющей в борта, непривычной кажется тишина в защищенной от ветра лагуне.

Корабли подходят совсем близко к берегу, и тогда открывается узкий вход между скалами. Кажется, будто это бухта.

Медленно проплывают корабли в глубину. За неожиданным поворотом коридор продолжается дальше. Теперь уже скалы закрывают море со всех сторон. Вода зеркально-гладкая, как в озере. Здесь очень тихо. Эхо гулко повторяет редкие гудки.

За новым поворотом снова открывается полоса воды между скалами. Корабли идут проливом Маточкин Шар.

Пустынные горы круто обрываются в узкий пролив. Горы, коричневые, зеленоватые внизу, становятся лиловыми и синими к вершинам. Серые облака срезают острые оснеженные купола. Горы нагромождены друг на друга, трещины и ледники извилистыми руслами прорезают склоны. Во впадинах лежит желтоватый оттаявший снег. Пасмурно. Моросит частый дождь.



Вдруг снизу, за горами, расходятся облака, и в кровавом зареве выкатывается огромный красный шар низкого солнца. Розовыми, охряными и оранжевыми красками вспыхивает небо. Перламутром искрится снег на вершинах. Клубятся сверкающие облака, и тихая зеленая вода полыхает фосфорическим светом. Океанские пароходы, маленькие, как игрушечные, медленно ползут проливом Маточкин Шар.

Пароход гудит семь раз.

Семь коротких гудков обозначают: "Застрял во льду". В ледяном поле кильватерной колонной движется караван. Впереди

ледокол крошит лед стальным форштевнем. Он легко разворачивается, идет задним ходом. Корма, такая же острая, как нос, вспенивает воду и расталкивает белый лед. В хвосте каравана, громоздкий и неподвижный, стоит отставший пароход. Ледокол, дымя толстыми, как башня, трубами, проходит у самого борта. Взломанные льдины оглушительно гремят и скрежещут. Пароход дрожит от ударов многотонных обломков и сдвигается с места.

Тогда низкий, густой бас ледокола командует: "Следуй за мной" (гудок длинный, гудок короткий). Как неуклюжий детеныш грандиозного животного, пароход устремляется в чернеющую щель широкого водяного следа за заботливой маткой-ледоколом.

Караван идет во льду.

Железо котельных топок кажется красным от ослепительного отблеска. На стальные листы пола вываливаются уродливые куски раскаленного слипшегося угля.

У топки работает кочегар. Ритмически нагибаясь и разгибаясь тонким, сильным телом, он кидает в сияющую дыру полные лопаты угля. Бросая, ловко дергает руками и спиной, уголь летит веером и равномерно засыпает решетку. Первую секунду уголь кажется иссиня-черным на ярком фоне пламени, потом он сразу краснеет, а еще через секунду становятся белым. Страшный жар пышет от котлов.

Кочегар бросает лопату, закрывает тяжелую дверцу и вытирает потное лицо сеткой. Сетка всегда висит на шее, как маленький шарф. Она заменяет платок на работе, мочалку в бане и галстук в кают-компании. На блестящей коже остаются черные полосы и подтеки. Кочегар выгребает перегоревший уголь и заливает раскаленную кучу водой. Потом он раскрывает топку, шурует длинным ломом, взглядывает на манометр и снова бросается засыпать уголь. Еле успевает отхлебнуть из ковша тепловатой воды и вытереться грязной сеткой.

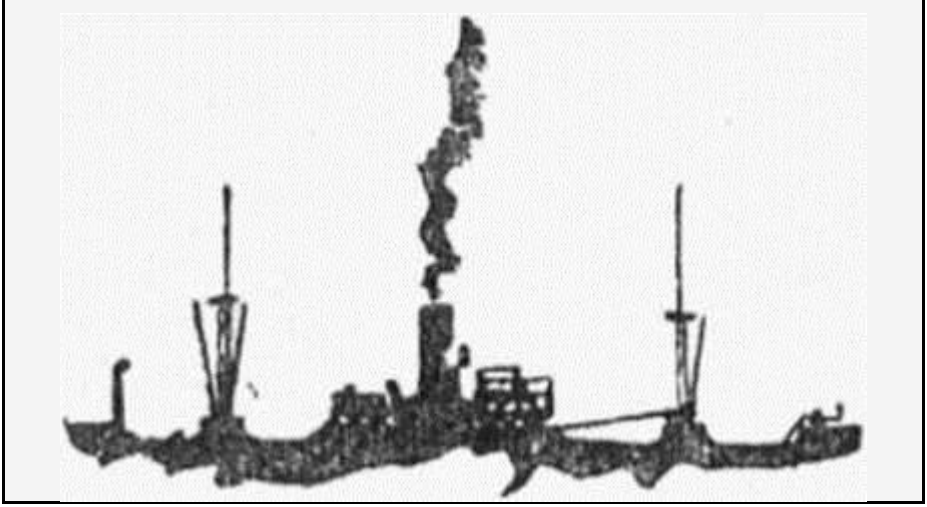
После четырех часов этой адской работы кочегар вылезет на палубу с ведром пресной воды. По дороге в баню он остановится у релингов. В холодном, прозрачном и неподвижном воздухе подымается пар над голыми руками, торсом в рваной тельняшке и мокрой чумазой головой. Кочегар несколько минут смотрит на сверкающий лед и тяжело дышит. Он остынет, вымоется, поест и свалится спать. Отдыхать он будет восемь часов, и потом снова на вахту.

Караван продвигается томительно медленно.

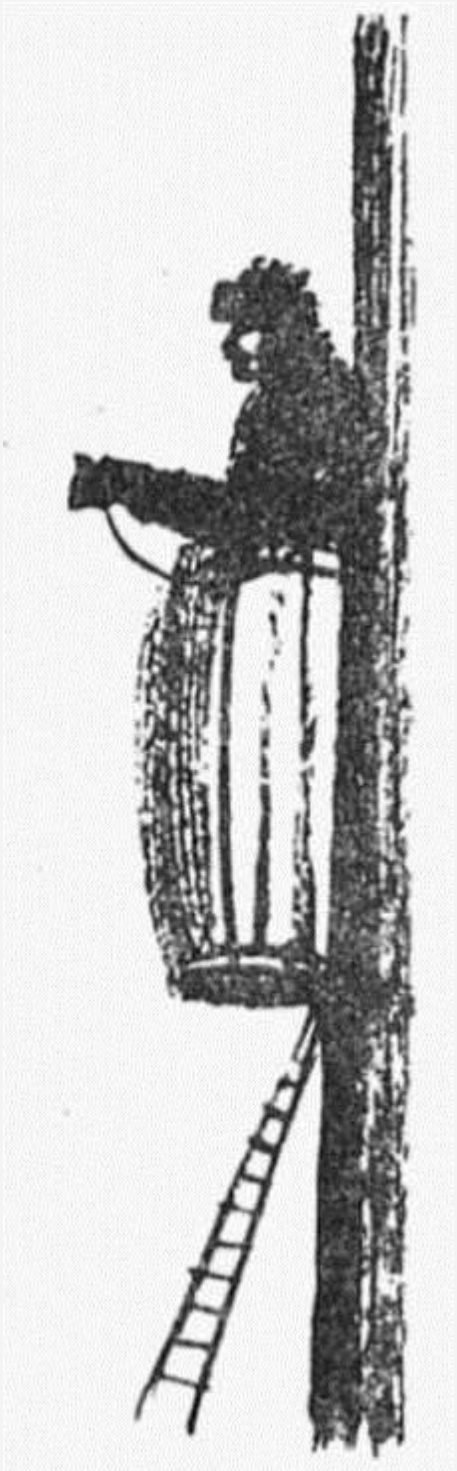
Часто ледокол резко меняет курс, уходит далеко в сторону, ищет лазейку в сплошном ледяном поле. Но лед всюду одинаков. Всюду, куда хватает глаз, однообразные бугры и торосы, разреженные мелкими лужицами и полыньями.

Небо, бледно-голубое вверху, резко белеет к горизонту. Ледовое небо.

Начинается ветер. Льдины движутся, громоздятся друг на друга, сталкиваются, ломаются и трещат. Колючая снежная пыль поднимается в воздухе. Белые вихри крутятся, застилают небо. Ветер ноет в снастях, поднимает рябь на воде в полыньях, движет большие ледяные поля и наметает сугробы на льду. Засыпанные снегом ходят на мостиках вахтенные. Чаще гудит флагман. Гудки кажутся напряженными и тревожными.

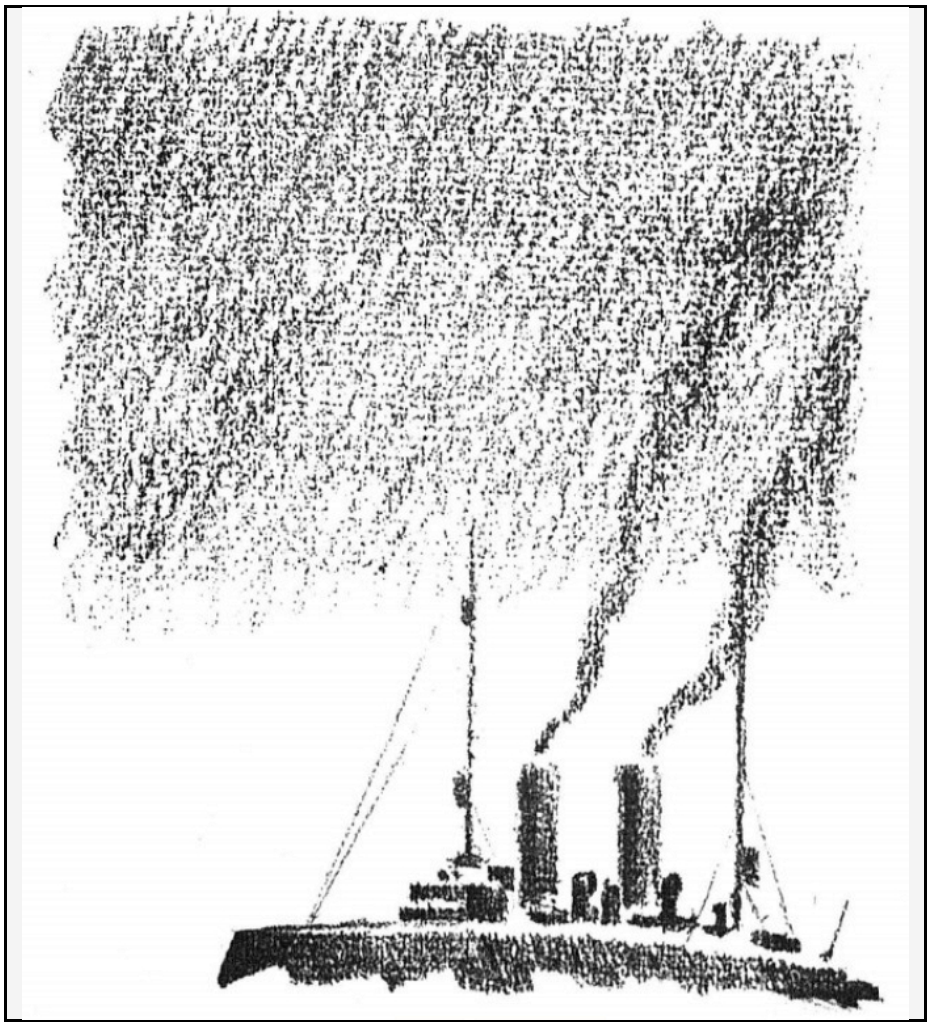


На мачте ледокола укреплена бочка. По веревочным вантам капитан забирается в нее и долгие часы не отнимает бинокля от глаз. Внимательно оглядывает ослепительную поверхность льда и командует из бочки вахтенному штурману. Лицо капитана багрово-красное, рыжие усы заиндевели, глаза слезятся.



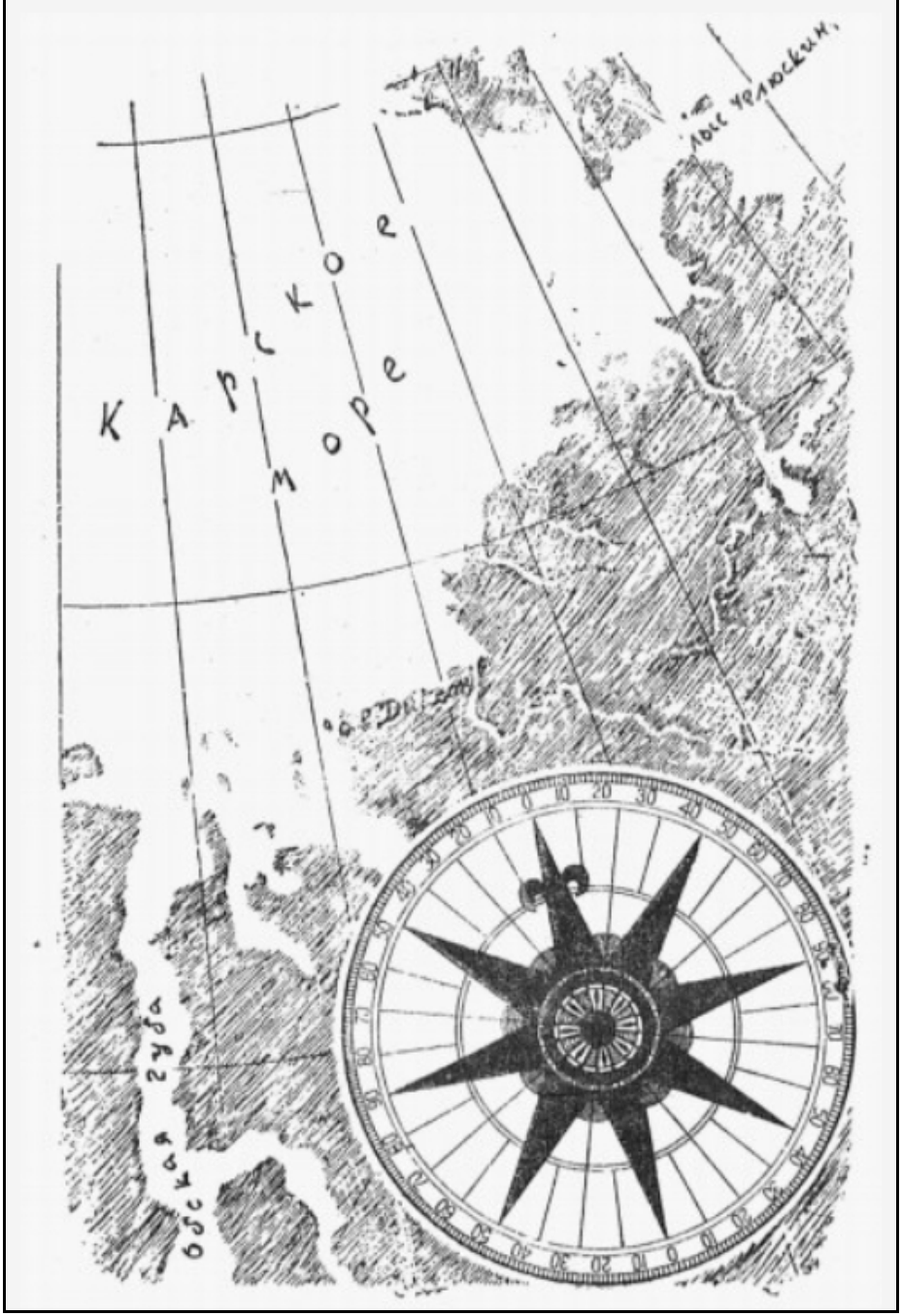
Солнце обходит небо, скатывается к самому горизонту и

снова начинает забираться наверх. Капитан не вылезает из бочки. По старым поморским приметам он угадывает, которая льдина подтаяла и легче уступит удару ледокола. Он орет осипшим голосом, на мостике штурман повторяет команду, звякает машинный телеграф. Ледокол с разбегу ударяется в ледяную скалу и от удара кренится набок. Капитан хватается за высокие края бочки. Льдина трескается, ломается, и осколки, переворачиваясь в зеленоватой воде, блестят, как огромные кристаллы. Ледокол продвигается вперед еще на несколько сажен.



АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

"Впереди всех времен авиатор".
Александр Прокофьев



Над морем опустился туман.

Резкий ветер пригнал сырые, белые облака. Туман такой густой, что с мостика еле виден нос парохода.

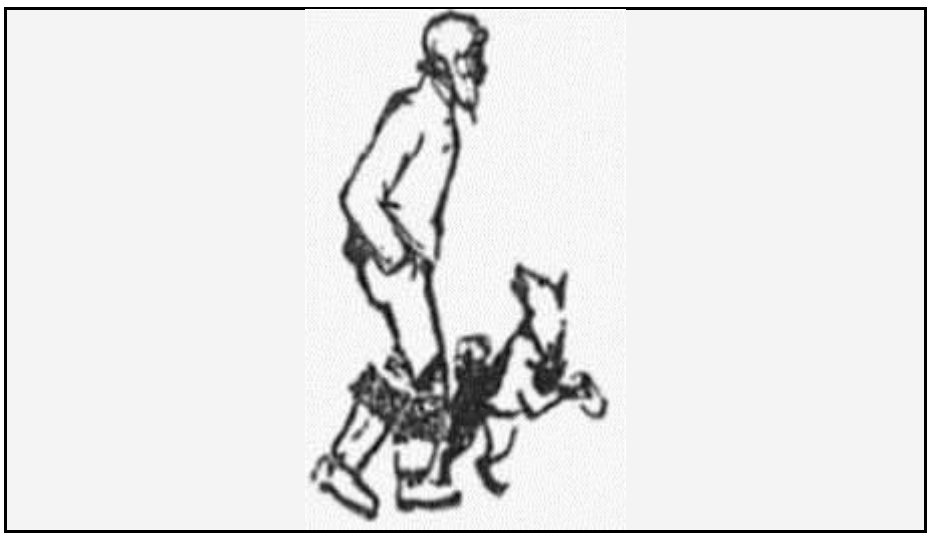
Кажется, будто не воздух, а густая жидкость заполняет

пространство. Отдельные рваные хлопья пролетают на фоне темных снастей, лебедок и мачт.

На баке все время бьет колокол. Призраком маячит закутанная фигура вахтенного матроса. Он каждую минуту дергает веревку, и тревожный звон глухо доносится сквозь плотный туман.

Другие корабли тоже бросили якоря и стоят где-то совсем близко.

Двое суток солнца не видно, и время смешалось.



Только к вечеру второго дня сплошная стена тумана разорвалась, и неожиданно близко показался холмистый, унылый берег острова Диксон.

Загрохотали якорные цепи. Пароходы медленно развернулись, вошли в бухту и снова бросили якоря.

Остров Диксон - одна из самых больших и старых раций на советском Севере.

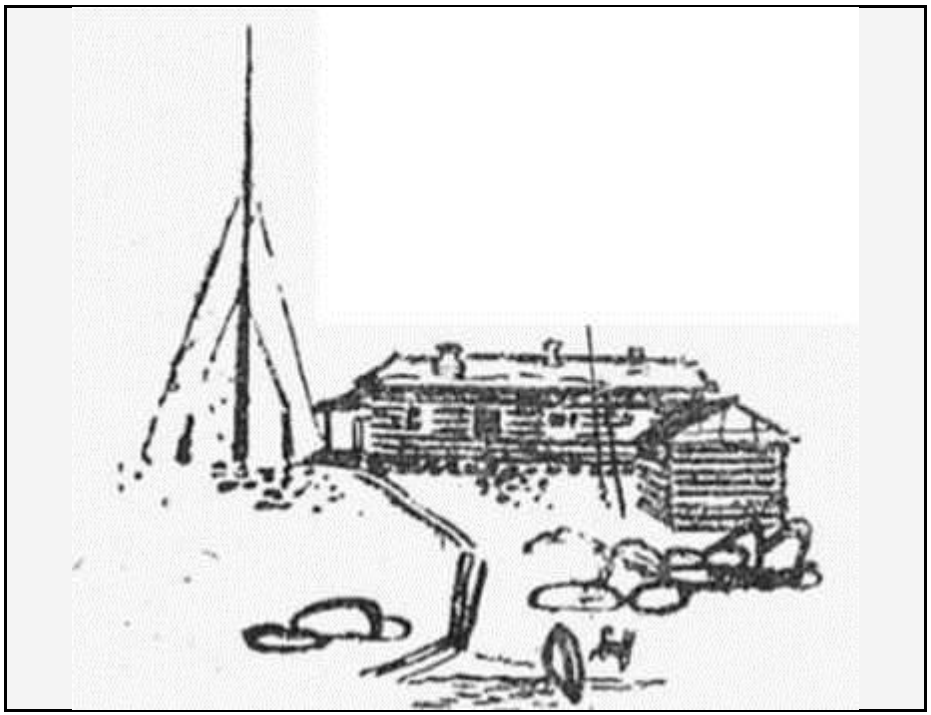
На высоком пустынном берегу просторный дом, отдельное здание радиостанции, баня, сараи и службы. Здесь люди живут по нескольку лет с женами и детьми. На стенках комнат красуются семейные фотографии в вычурных рамках. Вместо коек стоят двуспальные кровати с замысловатыми пирамидами из подушек в изголовьях.

Едят все вместе, за одним столом, в общей комнате.

У большого окна стоит старенький, но хорошо настроенный рояль. На подоконниках - горшки с фикусами, привезенными сюда из далеких родных мест. Вечером зажигаются электрические

лампы. Вокруг длинного стола с визгом бегают дети. Пахнет пеленками и кухней.

Вся обстановка настолько благоустроена, настолько похожа на обычную "городскую", что никак не верится рассказам зимовщиков о мрачной и тяжелой полярной экзотике.



Этой зимой, совсем недавно, погибли две женщины: вышли погулять, прошли с полкилометра - и вдруг неожиданно поднялась пурга. В снежном тумане женщины заблудились и замерзли в десяти минутах ходьбы от дома. Только через несколько дней их трупы нашли под снегом собаки.

Старожилы Диксона хранят потрепанную тетрадку в черном кожаном переплете. Сюда записывали свои впечатления все посетившие станцию со дня ее основания. Здесь автографы Амундсена, Вилькицкого, Визе - лучших полярных исследователей - рядом с полуграмотными, неуклюжими каракулями промышленников и зверобоев.

В этом году уже не просят всех посетивших Диксон расписываться в тетрадке. Пустынная бухта похожа на большой порт. Пароходы сходятся сюда со всех сторон, гудят моторы катеров, перекликаются люди. Для одних только имен посетителей этого года не хватило бы всей старенькой тетрадки.

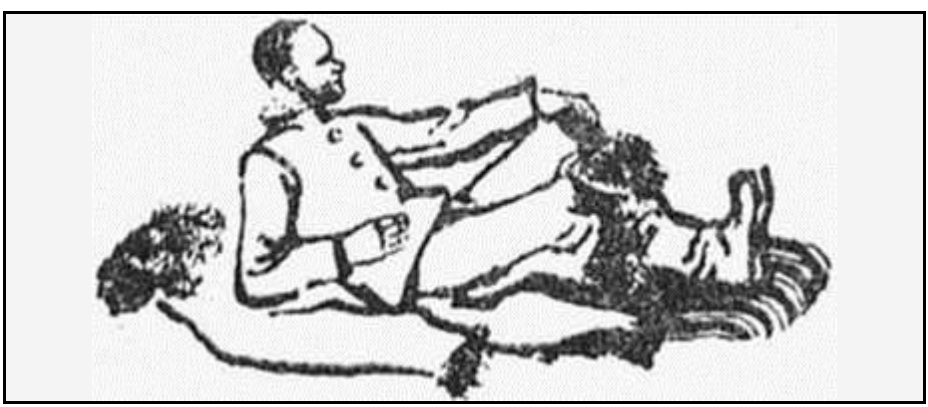
Диксон издавна славился ездовыми собаками. Много неплохих собак вырастает и сейчас на станции. Но опытные промышленники скептически поглядывают на новое поколение. Сокрушенно качая головами, с грустью перечисляют славные имена знаменитых диксоновских собак. Показывая целую стаю совершенно белых щенков, рассказывают легендарные истории о замечательной их прародительнице - суке Белочке - и вспоминают старое время.

На тихой воде маленького мелководного заливчика около станции покачивается большой серый дорнье-валь. От самолета к дому проходит человек в стареньком кителе, огромных рыжих меховых сапогах и пилотском шлеме. Его замечают собаки и с веселым лаем бросаются к нему. Они прыгают, машут пушистыми хвостами и путаются у него в ногах. Он окликает по именам своих любимцев, пробегает по мосткам и скрывается в домике.

Этот человек - командир самолета Анатолий Дмитриевич.

В похожем на чуланчик помещении библиотеки он разваливается на матрацах и шубах, покрывающих весь пол. Здесь живет он с четырьмя товарищами - экипажем самолета - уже два месяца. Спят не раздеваясь на полу, измазанные маслом и бензином, обросшие бородами и грязные.

Сюда прежде всего приходят люди с кораблей. Анатолий Дмитриевич радушно пожимает руки знакомым и незнакомым, приглашает рассаживаться. Мебели очень мало - маленький колченогий стол и шаткая табуретка. Большинство гостей устраивается на полу.



Начинаются разговоры, возможные только на Севере, где каждая новость с Большой Земли, каждое слово о последних событиях приобретает огромное, ни с чем не сравнимое значение.

Прежде всего летчики расспрашивают о последних авариях в

авиации. Внимательно слушают печальные рассказы о разбившихся самолетах, сгоревших моторах и искалеченных людях. Горячо обсуждают возможные причины катастроф и ошибки погибших.

Потом Анатолий Дмитриевич рассказывает о своих работах. Уже два месяца дорнье-валь летает над Карским морем, разведывает лед и по радио руководит ходом кораблей.

Штурмана судов, уже ходивших от Диксона на восток, рассказывают о том, где и какие льды они встречали. Анатолий Дмитриевич сопоставляет эти сведения с той картиной, которую видел сам с самолета. Высказывает предположения о ледовых условиях, о курсе экспедиций.

Лед сделался его специальностью. Увлекаясь любимой темой, он вскакивает с пола, ходит большими шагами по комнате. Говорит веселой скороговоркой, все время хитро улыбаясь и щурясь. Любимое его выражение "это хозяйство". "Хозяйством" он называет и лед, и свой самолет, и ветер...

В маленьком квадратном окошечке - вся бухта. Темные облака заволокли небо. Дальний берег острова еле виден в сером сумраке. Океанские лесовозы, черные ледокольные пароходы, легкие шхуны, неуклюжие баржи и лихтера беспорядочной кучей покачиваются на мелкой волне. Дымят трубы, грохочут лебедки, гудят гудки и сирены. Кажется, будто это большой порт, а туманный берег напоминает неясные очертания города. Вдруг порывом налетел ветер. По зеленой воде пошли веселые барашки, туман разорвался, и заходящее солнце осветило пустынные каменистые холмы, припорошенные на вершинах голубоватым снегом.

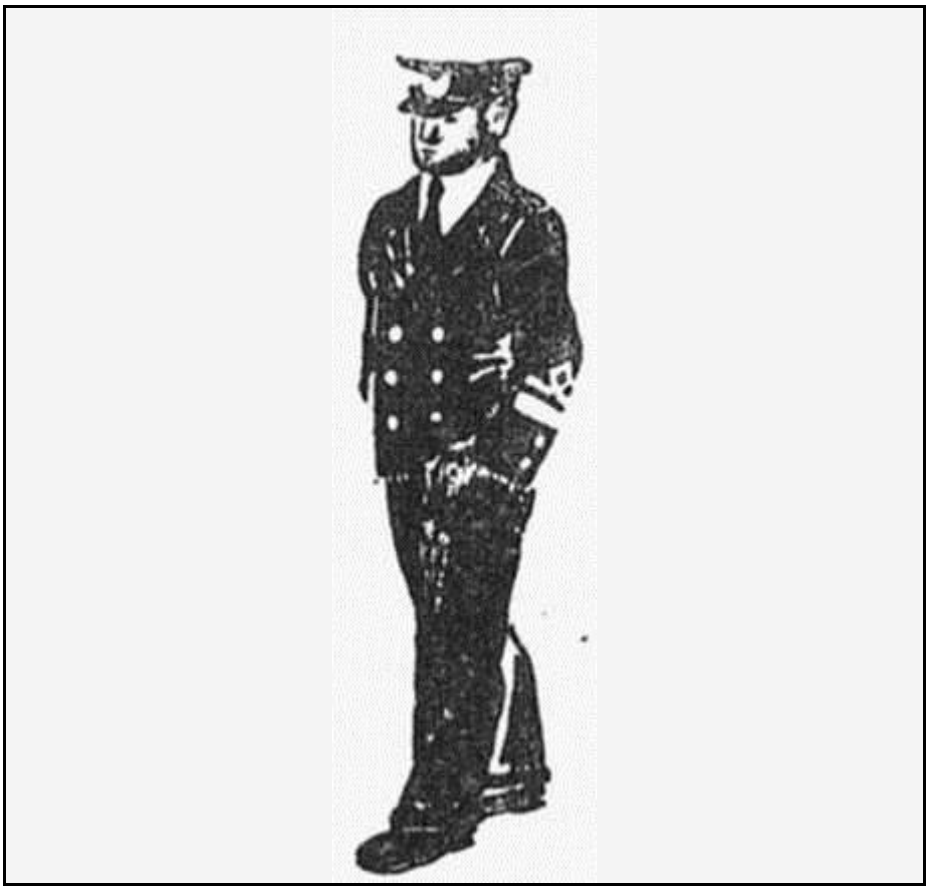
На флагманском ледоколе собрался совет.

Капитаны и начальники съехались на гребных шлюпках, моторных лодках и катерах.

В роскошном, как вестибюль отеля, салоне ледокола возились кинематографисты. Вид у кинематографистов совершенно "полярный". Они отпустили экзотические бороды, почему-то никогда не расстаются с неудобными охотничьими ножами и стараются говорить грубым, пропитым голосом. Когда они включили осветительную аппаратуру, яркий синеватый свет заиграл на золоте нашивок и пуговиц, черном сукне кителей и лоснящейся коже курток.

Самый щеголеватый вид у капитанов маленьких речных пароходиков и у начальников экспедиций; на рукавах их блестят бесчисленные, чуть ли не адмиральские нашивки. Капитаны ледоколов, опытные коренные полярники, одеты в невзрачные куртки, свитера и грубые сапоги. Только капитан флагмана - в

полной парадной форме.



Когда все собрались, вошел начальник Первой Ленской экспедиции и сел на председательское место. Совет начался.

Сообщили последние данные о состоянии льдов. Выяснилось, что есть два варианта продвижения на восток.

Вариант первый: пойти на север от Диксона, с тем чтобы с севера обогнуть большие ледяные массивы. Последнее время дуют северные ветры, и есть основание предполагать, что лед подвинулся к югу.

Вариант второй: пойти как можно южнее, как можно ближе к берегу. Прибрежные течения, мели и рельеф берегов должны задержать лед на некотором расстоянии. Очевидно, между материком и ледяной кромкой должна быть чистая вода.

Первый вариант привлекал своей смелостью. Некоторые из начальников высказались за него. Но моряки стали энергично защищать второй, "южный" вариант. Начался спор, похожий на

обсуждение дислокации боя в настоящем генеральном штабе. Полярные стратеги горячились, стараясь убедить друг друга.

В самый разгар спора начальник экспедиции повернулся к Анатолию Дмитриевичу:

- Можете ли вы летать на разведку в сторону мыса Челюскин?

Анатолий Дмитриевич (с улыбкой):

- Летать можем через два часа. Дальность полета моей машины и запас горючего таковы, что я могу без посадки сделать полпути до Челюскина и вернуться обратно. Взгляну, как там устроено все это хозяйство, вернусь и доложу во всех подробностях.

Совет окончился.

Капитанам было приказано приготовиться к отходу.

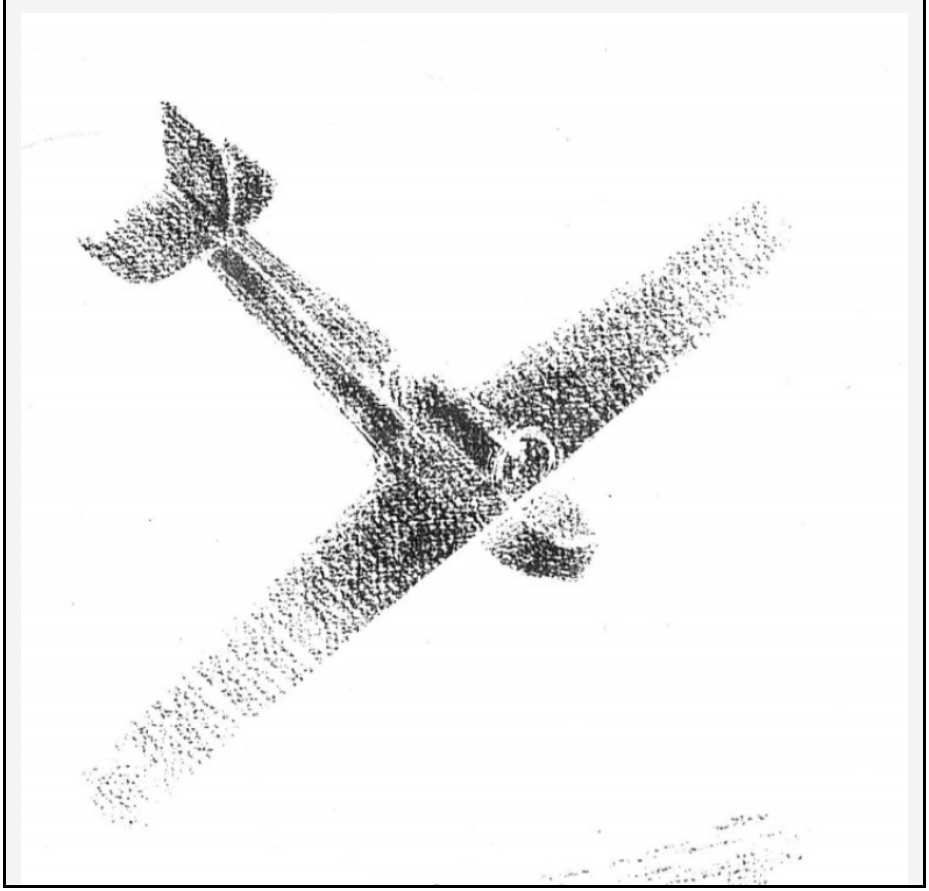
Через два часа дорнье-валь прогудел над бухтой, набрал высоту и скрылся за холмами. Вернулся самолет уже ночью, и Анатолий Дмитриевич сразу поехал к начальнику экспедиции. По всему курсу вдоль берега летчики видели довольно широкую полынью. Только в двух местах лед вплотную подходил к

материку. Если ветер не усилится и лед не продвинется значительно южнее, то две эти перемычки будут единственным серьезным препятствием. От того места, где самолет повернул обратно, полынья продолжалась дальше на восток.

Флагман по радио отдал распоряжение капитанам сниматься и пошел вперед. Кильватерной колонной караван вышел из бухты Диксон. Через несколько часов начали попадаться мелкие льдины, а к утру вошли в сплошное поле.

Эта была первая перемычка.

Караван пошел "южным" путем.



Через первую перемычку пароходы пробились ободранные, оставив на льдинах, как кровавый след, краску с бортов. На лесовозах были сильные вмятины в обшивках, заклепки у форштевней расшатались, образовались щели, и вода сочилась в трюмы. Приходилось на ходу ставить цементные пластыри. А один из лесовозов сильно пропорол нос и обломил кусок винта.

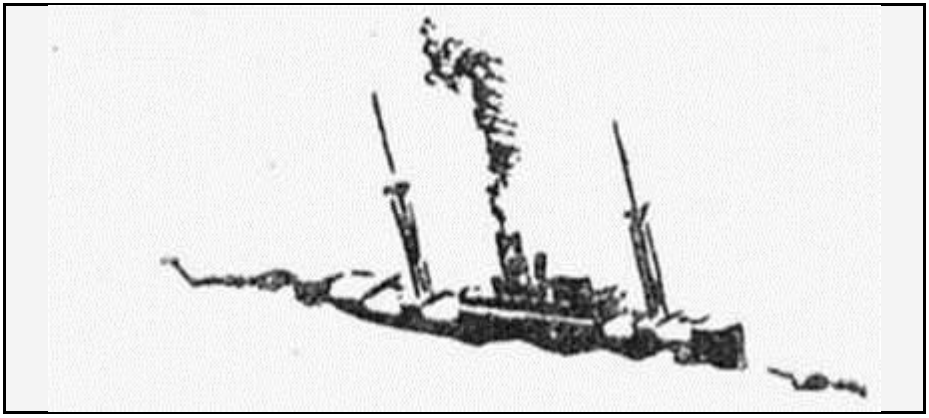
Пройдя небольшое расстояние по чистой воде, караван снова уперся в ледяное поле. Лед был еще тяжелее, чем в первой перемычке, и в поисках прохода корабли отклонились на север.

С каждой милей дело становилось хуже и хуже. Дул резкий нордовый ветер, снежная крупа шуршала по льду. Лесовозы стали. Флагманский ледокол один пошел вперед на разведку.

Вернулся он через несколько часов, и сразу поползли тревожные слухи.

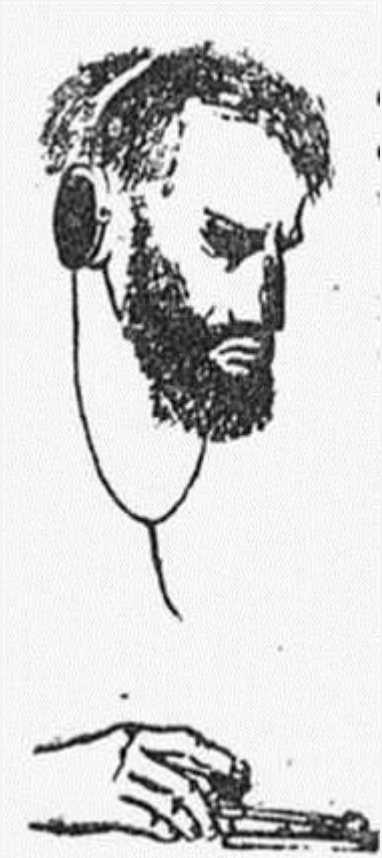
Люди переходили по льду с корабля на корабль и шепотом, по секрету передавали, что на ледоколе случилась авария. Никто толком не знал, в чем дело. Каждый высказывал свои предположения.

Первыми все подробности узнали, как всегда, радисты. Из радиорубок, конечно под строжайшей тайной, поступили точные сведения: флагманский ледокол потерял левый бортовой винт. Гигант стал слабее на одну треть...



В маленькой радиорубке мерцают серебряные лампы и назойливо пищит репродуктор. В штормовую погоду и в штиль без перерыва и отдыха работает радист. Спит он тут же, в тесной каюте. Спит не раздеваясь, сном тревожным, как на фронте. Ложась, включает репродуктор и вскакивает, как только слышит хриплые позывные. Бледный, заросший колючей щетиной, он бросается к ключу, машинально включает и выключает рубильник. В полусне стучит ответ и записывает в журнале короткие, отрывочные фразы. Изредка радист выходит на палубу, несколько минут дышит свежим, соленым воздухом и, ежась от мороза, уходит в свою пропитанную табачным дымом будочку. Снова ложится на койку и сразу засыпает. Но через полчаса безжалостный репродуктор трещит торопливые точки и тире. Радист снова вскакивает и бежит к ключу.

Часы в радиорубке поставлены по английской станции в Гринвиче. Живет радист по своему времени и никогда не знает толком, что сейчас - ночь или день.



В радиорубку приносят официальные телеграммы, подписанные начальником или капитаном.

С пространными описаниями "бирюзовых льдов" и "ледяных просторов" надоедают корреспонденты.

Матросы и кочегары передают коротенькие записки, адресованные женщинам.

Радист знает все. Ему доверяют и секретные распоряжения и нежные чувства к любимой.

Когда от наушников начинает болеть голова и стучит в висках, радист включает репродуктор и, регулируя приемник, слушает, о чем говорят корабли в далеких морях и станции на берегу...

Начальник экспедиции по радио предложил Анатолию Дмитриевичу вылететь из Диксона для второй разведки льда. Анатолий Дмитриевич ответил, что вылетает в этот же день.

Вечером в легком тумане показался самолет. Он сделал круг над неподвижными кораблями и улетел на восток. К ночи пришла телеграмма с мыса Челюскина: самолет благополучно сел в

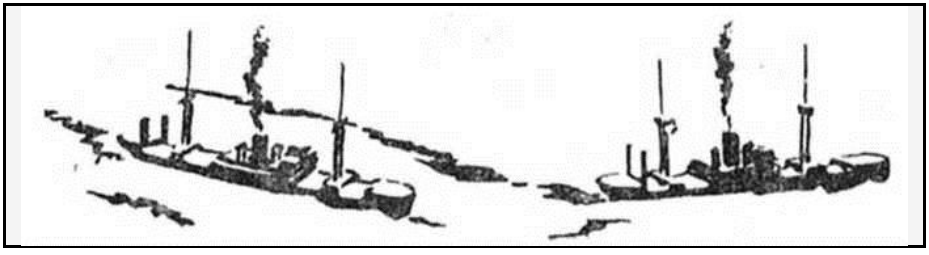
маленькую полынью около берега.

Анатолий Дмитриевич совершил замечательный полет. Он вылетел, получив сведения с Челюскина о том, что под берегом есть небольшое пространство чистой воды. Но он должен был пролететь больше тысячи километров. На это необходимо около шести часов, а за такое время могли произойти подвижки льда и чистая вода могла превратиться в ледяное поле. Дорнье-валь самолет-лодка. Он может опускаться только на воду. Лед для Анатолия Дмитриевича означал бы катастрофу. Вернуться обратно в Диксон он также не смог бы, так как предельный запас горючего позволяет его самолету лететь расстояние не больше полутора тысяч километров.

Получив приказ начальника, Анатолий Дмитриевич вылетел почти втемную, полагаясь на удачу, на счастье. Когда он кружился над караваном, никому не пришло в голову, что эта красивая, сильная машина с четырьмя спокойными людьми, может быть, идет к гибели.

Ледяное поле надвинулось на берег, но самолет успел сесть на воду.

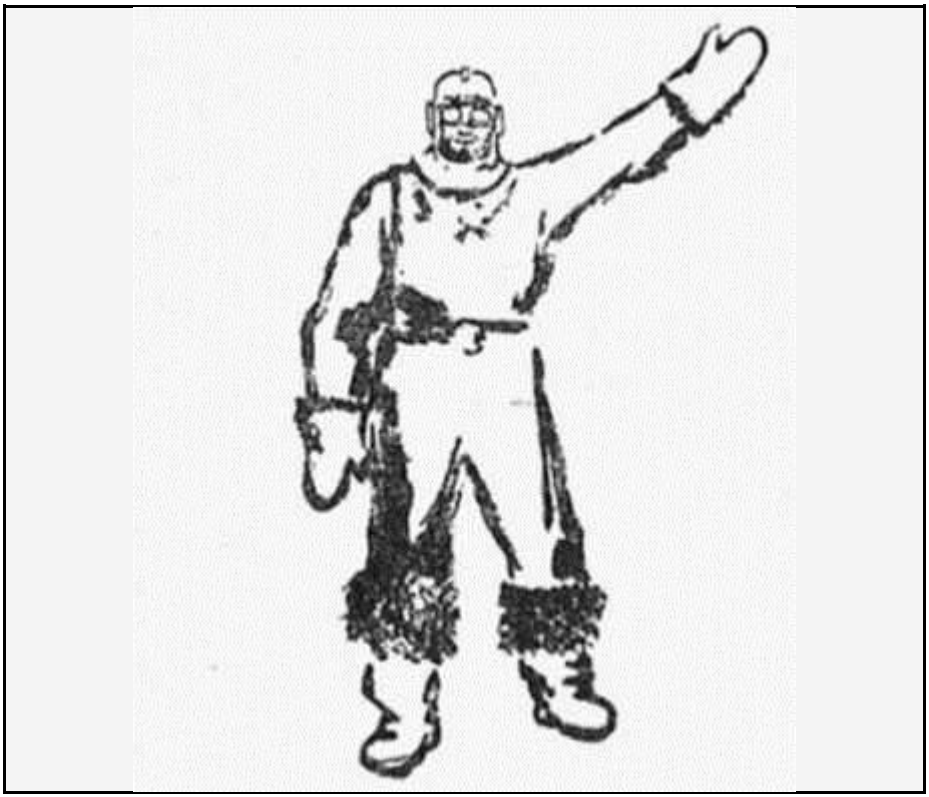
В коротком рапорте Анатолий Дмитриевич доносил, что караван зашел слишком далеко на север. Если держаться южнее, ближе к берегу, то пройти ледяную перемычку будет значительно легче. Дальше, до самого Челюскина, лед сильно разрежен.



Корабли повернули на юг. Держась курса, указанного летчиками, караван прошел перемычку и через три дня был на Челюскине.

Анатолий Дмитриевич дождался прихода каравана. Он

провел несколько часов на флагманском ледоколе и в холодную, ветреную погоду улетел обратно на Диксон.



СОЙМИКО

Мальчика, родившегося на зимовке в заливе Гадаяма, назвали Соймико.

Он родился полярной ночью, без врачей и акушерок, в тесной каюте замерзшей промысловой шхуны.

Новорожденного завернули в какие-то старенькие тряпки и закутали в меха.

Мать лежала на койке, крытой невыделанными оленьими шкурами, и кормила сына. Когда нужно было купать ребенка, отец приносил снег и грел воду на дымном камельке.

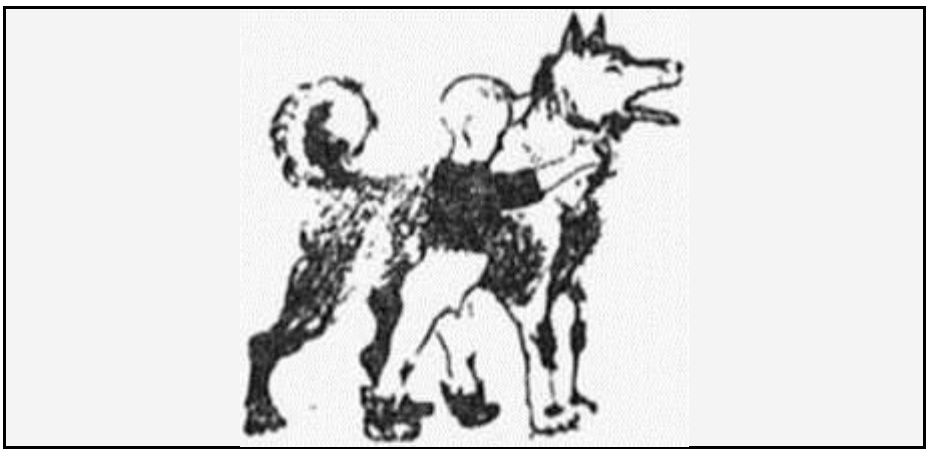
Соймико рос крепышом.

Скоро мать перестала давать ему грудь, начала уходить на охоту.

Соймико оставался один в каюте. Он спал вместе с собаками, грелся, прижимаясь к мохнатым, теплым зверям.

Его кормили свежим рыбьим жиром. Соймико быстро прибавлялся в весе.

Однажды он сам встал на ноги и пошел, держась за шею собаки. Прошел всю каюту, устал, повалился на спину и засмеялся, глядя на черный, закопченный потолок.



Ему еще не было года, когда его стали кормить мясом. Он ел жареную белужатину, мясо оленей и белых медведей, печенку тюленей и моржей. Он ел все, что добывали промышленники.

К морозам Соймико привык с рождения. Он никогда не хворал и не переносил, если его пытались тепло одевать. Отец сшил ему сапоги из нерпы и рубашку из мягкой оленьей шкуры.

Соймико исполнилось год и четыре месяца, когда его родители снова поехали на зимовку. Они выехали из Красноярска вниз по Енисею и добрались до Диксона. Их поместили на барже Севморпути. Они жили со своими собаками в крохотной дощатой хижине на палубе и ждали отправки на место зимовки.

По договору они должны два года провести в старой избушке,

на берегу шхер Минина. Это место славится песцовыми, оленьими и медвежьими промыслами, и там никто не был уже три или четыре года.

Севморпуть обещал снабдить зимовщиков всем необходимым в Диксоне. Они уехали из Красноярска, взяв с собой только своих собак и маленький мешок с чесноком и луком. Но, по неряшливости каких-то чиновников из Севморпути или по какому-то преступному недоразумению, на складе в Диксоне не оказалось ничего, кроме пшена, муки и небольшого количества масла. Зимовщики должны были ехать на невероятно трудную работу без самых необходимых вещей.

Когда в Диксон прилетел из Игарки начальник Ленской экспедиции, зимовщики пошли к нему. Они рассказали о своих несчастьях: нет теплых вещей, нет продовольствия, на двоих промышленников на два года охоты им выдали только одно старенькое ружье и пятьдесят патронов. Наконец, они не знают, как попасть на свою зимовку: шхеры Минина забиты льдом, и ни один капитан не хочет туда идти.

Начальник вытащил из чемодана свои запасы шоколада, сгущенного молока, какао и отдал все это для Соймико. Потом выпросил на рации собачий совик, пимы и еще одну винтовку. На всех пароходах он рассказал о родителях Соймико.

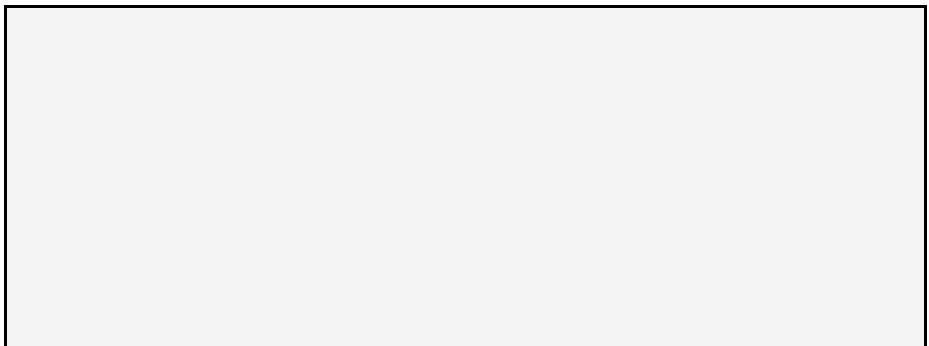
Люди с пароходов поделились с зимовщиками патронами и порохом.

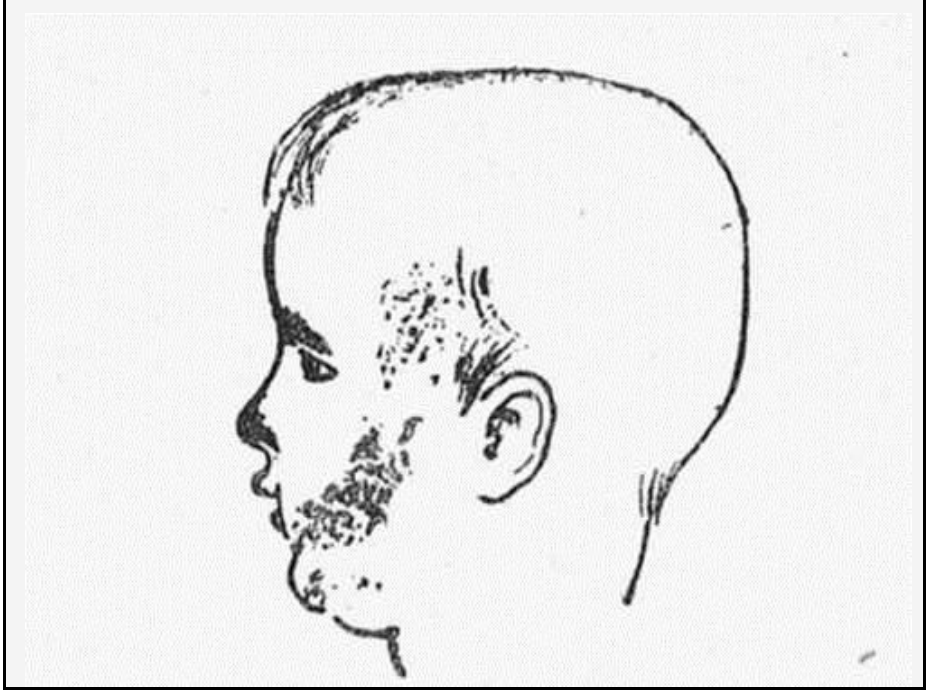
Когда пароходы уходили с Диксона, я простился с родителями Соймико. Они все еще не знали, попадут ли в шхеры Минина, но зимовать решили во что бы то ни стало. Если никто не согласится идти в шхеры, они поедут в какое-нибудь другое место, но не вернутся раньше, чем через два года.

Мы передали друг другу поручения в город: как знать, кто из нас раньше попадет на Большую землю?

Моя шлюпка отвалила от баржи, и Соймико, веселый, толстый, красный от мороза, помахал мне рукой и улыбнулся.

Соймико по-эскимосски означает - волчонок.





ОХОТА

Маленький ледокол трое суток ходил у входа в бухту.

Резкий ветер нагонял облака густого, холодного тумана, почти без перерыва шел снег. Обрывистые берега часто совершенно скрывались из виду. Тогда ледокол опасливо отходил еще дальше в море.

Капитан ледокола - старый, опытный "ледовый" капитан. Он славятся своей великой осторожностью. Он так осторожен, что некоторые даже смеются над ним, называют трусом. Но трусом капитан никогда не был. Если бы он действительно боялся, он не смог бы стать северным моряком, не мог бы столько лет плавать в невероятных трудностях и непрерывных опасностях. Капитан один отвечает за судно, груз и жизнь людей. Север приучил его подозревать опасность всюду, всегда быть готовым к любым случайностям, к самым неожиданным катастрофам. И он стал подозрителен и осторожен.

Он плавает капитаном около двадцати лет, у него прекрасные штурмана, но в трудные минуты он никогда не уходит с мостика. Все делает сам. "Нетрудных минут" на Севере почти не бывает.

В плавании для всей команды загадка: когда капитан спит? Эти три дня он вовсе не ложился. Все время на палубе, ходит большими шагами, кутаясь в потрепанную шубу, бормочет какие-то невнятные заклинания или ругательства.

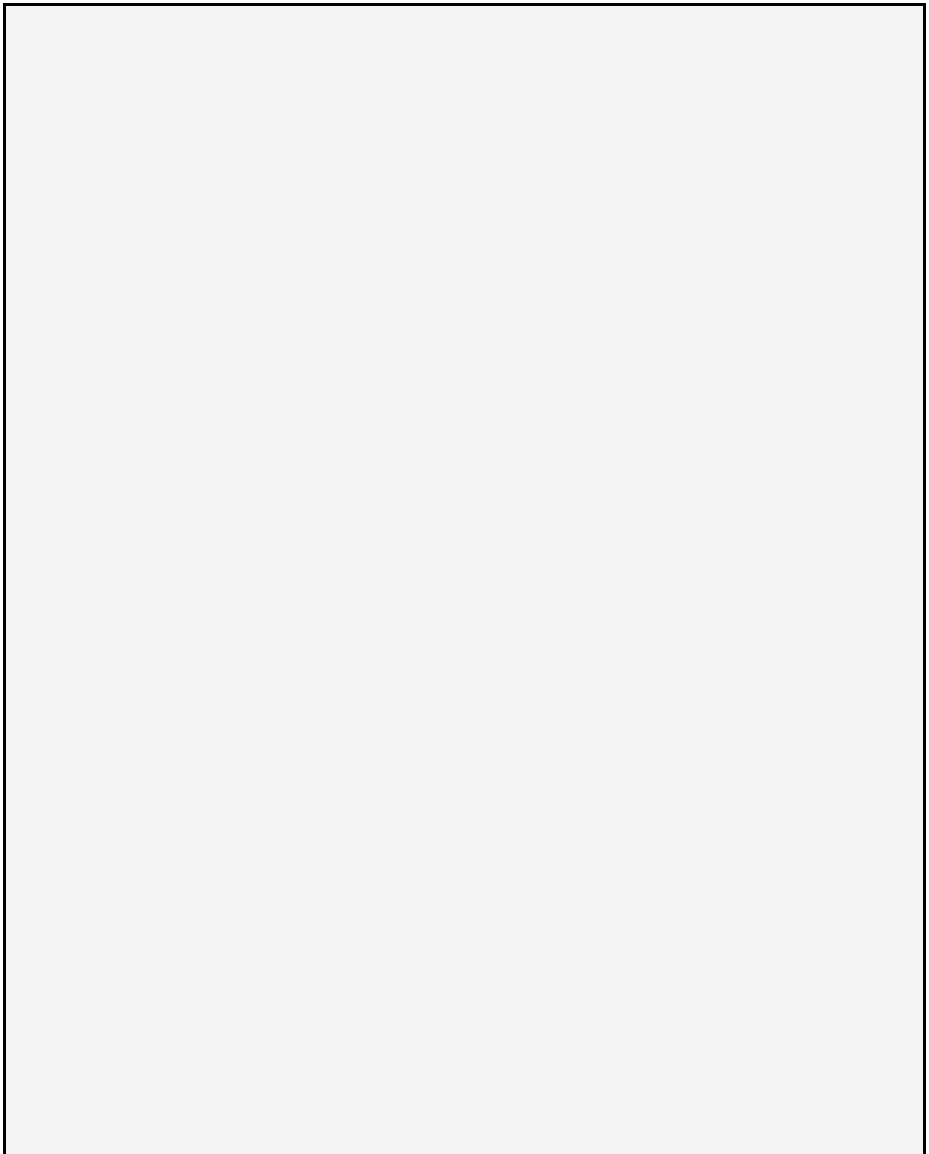
Он запачкал правую щеку сажей, и грязь красуется на его красном, обветренном лице все три дня: он ни разу не умывался.

Глаза капитана слезятся от напряжения и от колючего ветра.

Он все время, не отрываясь, глядит в сторону берега. Когда на короткое время расходится туман, мучительно старается разглядеть в еще заметной полоске узкую щель входа в бухту.

Картам этого места капитан не верит. Никогда еще ни один мореплаватель не заходил в бухту. Никто не измерил ее глубин, никому не известны мели и подводные камни. Линия берега обозначена на карте совершенно наугад.

Теперь в бухте должна высадиться и остаться на зимовку партия промышленников-зверобоев с семьями. Капитан должен провести ледокол, найти стоянку и выгрузить зимовщиков со всем их снаряжением.



В команде недовольны робостью капитана. Многие считают, что давно пора бросить ходить вокруг да около, давно пора подойти к берегу.

Капитан "примеряется" три дня. По признакам, ему одному понятным, распознает приглубые места и отмели.

На четвертый день самым малым ходом, вытравив оба якоря и осторожно лавируя, ледокол благополучно вошел в бухту.

Бухта, узкая и длинная как река, зажата черными, покатыми берегами. Дальше, над усыпанными галькой отмелями, мягкие

зеленоватые холмы. Холмы повышаются и на горизонте вырастают в скалистые горы. Неизвестный, ни на каких картах не обозначенный горный кряж блестит снежными вершинами и ледниками. Идет густой снег, все подернуто серой пеленой. Небо и вода одинакового бурого цвета. И кажется, что нет перспективы - горы и холмы плоскими призраками висят в туманном пространстве. Плывут голубые и зеленые льдины, будто движутся горы. Вдруг вспенивается вода, и такая же бурая, только темнее, поблескивает огромная круглая спина моржа. Зверь фыркает и косится большим карим глазом.

Зимовщиков - девятнадцать человек. Десять мужчин, три женщины и шестеро ребят. Все это коренные поморы, архангельские и мурманские. Спокойные, очень сдержанные, молчаливые люди. Разные пути привели их на зимовку, но все они любят Север, только на Севере могут жить и работать по-настоящему.

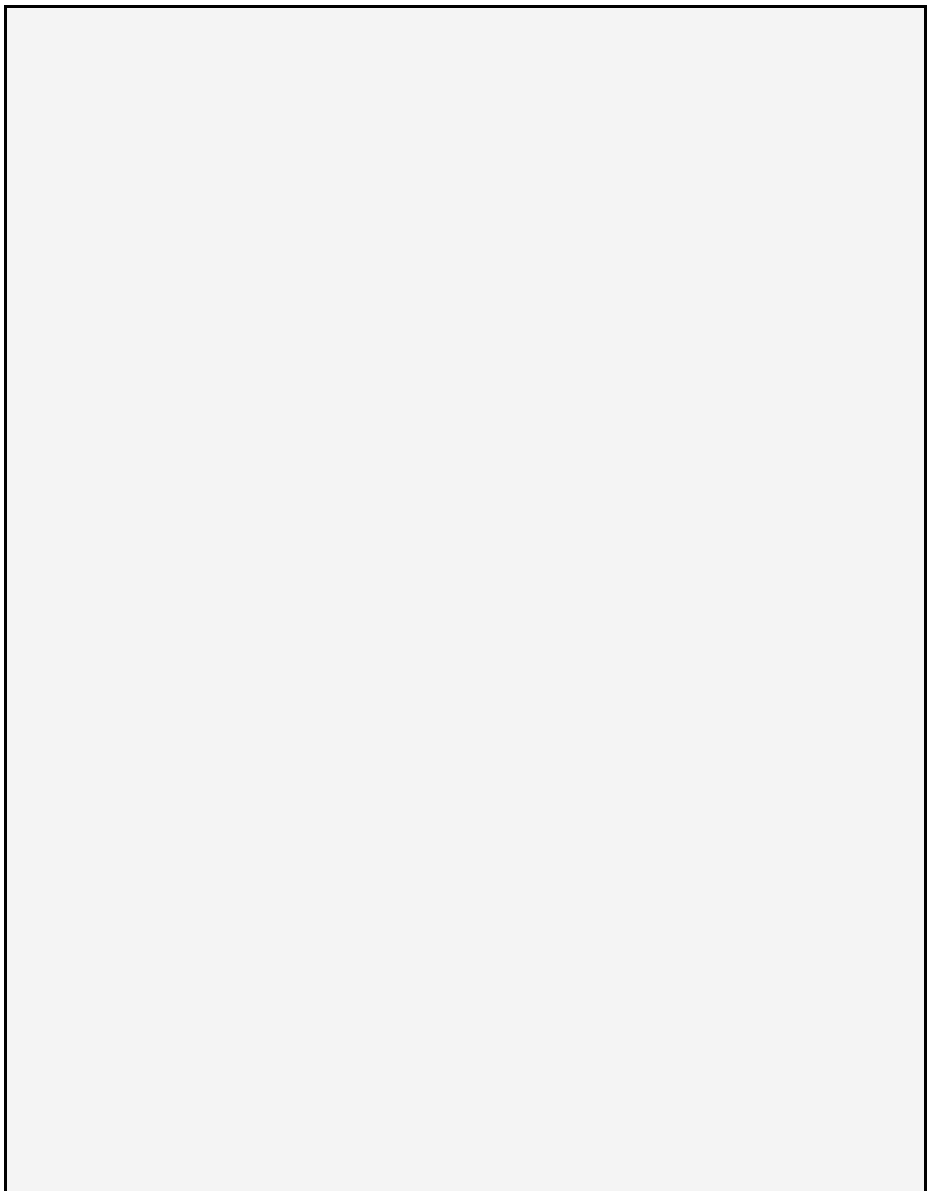
Моторист артели должен был ехать тоже с семьей. В самый последний момент выяснилось, что санитарный надзор запрещает ехать на зимовку его сыну. У ребенка оказалась трахома. Мотористу предложили остаться: он только что вернулся с зимовки. Год, длинный полярный год, не видел своей семьи. Тяжело сразу же уезжать снова одному на двухлетнюю зимовку. Он колеблется не больше десяти минут и решает все-таки ехать.

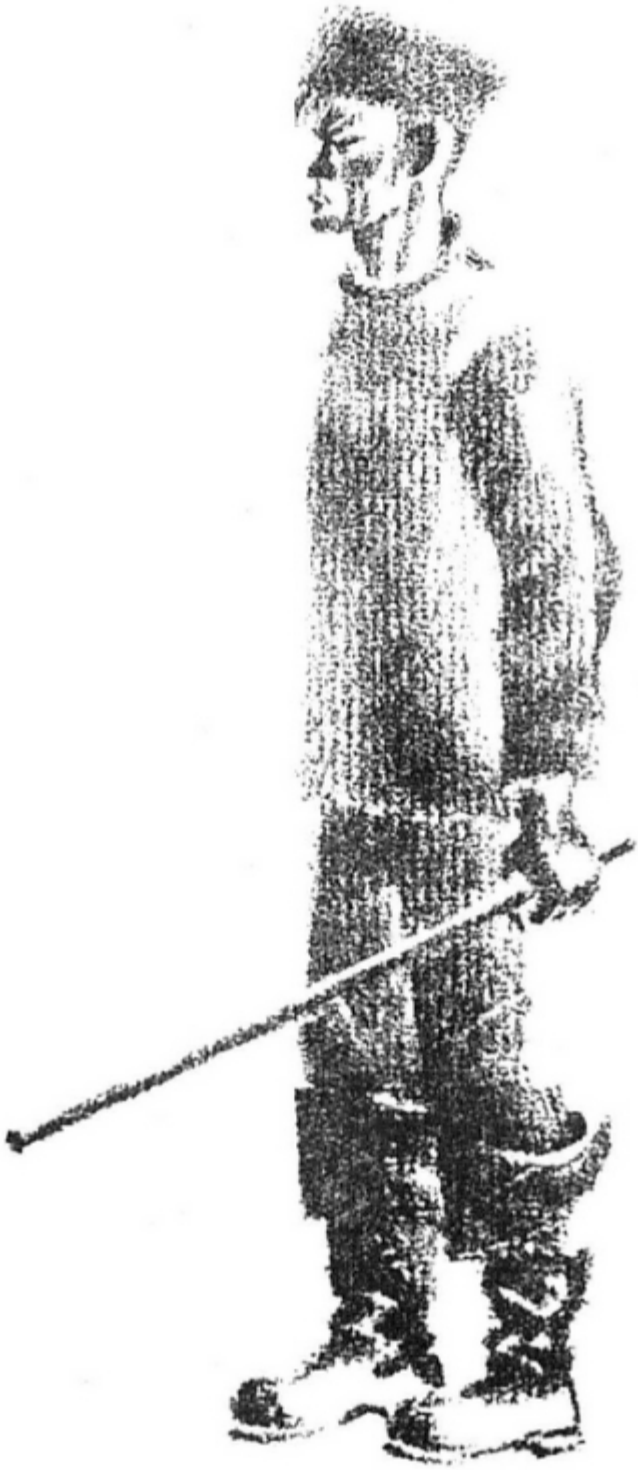
Перед выходом в море всегда очень много хлопот. Моторист не успел съездить на берег и уехал, не повидавшись с семьей.

Сергей, начальник зимовки и председатель артели зверобоев, - человек, знаменитый на Севере почти до легендарности. Он один из лучших охотников, прославленный во всей западной Арктике собачник.

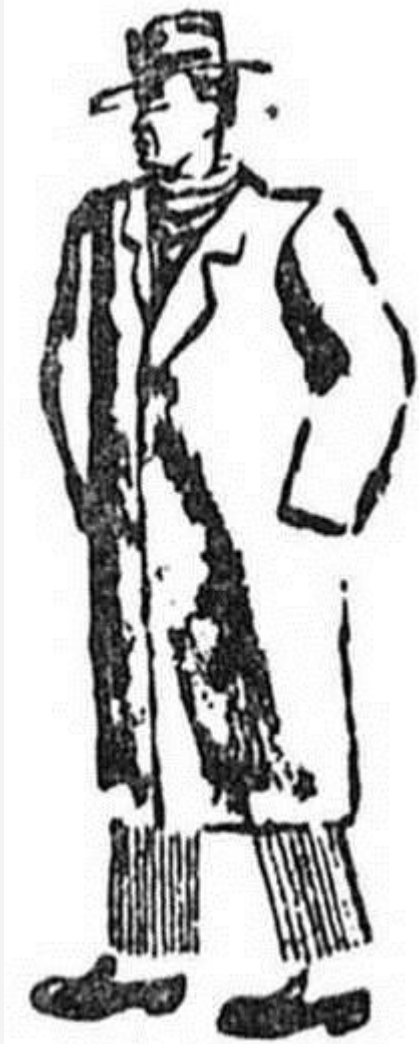
В городе он почти не живет. Редкие зимы, в перерывах между бесчисленными зимовками, шатается Сергей по Архангельску мрачный, всегда полупьяный. Он очень любит свою семью, особенно детей, но Север тянет его. Он не может жить в городе без привычной работы и снова уезжает на зимовки и промысла.

Сын богатого промышленника, Сергей - отпрыск древнего рода зверобоев. Зверобоями были предки его могучей семьи, зверобои его братья, зверобоем будет, наверное, его сын. Север воспитывал этих людей из поколения в поколение. Сухие, жилистые, как кряжистые деревья, они все похожи друг на друга.





Сергей настолько отличается от человека "городского", что когда он приезжал в Москву в фетровой шляпе, пальто, со щегольским шарфом на шее и в новых галошах, прохожие останавливались, с удивлением смотрели на нескладную его фигуру, на скуластое лицо.



Сергей был в числе четырех зимовщиков Северной Земли. Рассказывают, что первую зиму он очень злился и нервничал; ему не давали охотиться, заставляли ездить по каким-то "маршрутам", бросая прекрасные промысловые места, не обращая внимания на медведей, моржей и нерп. Смысла этой "нелепости" он никак не мог понять. Он говорил, что это "не работа, а сволота". Но к концу

первой зимы из путевых заметок, набросков, чертежей и наблюдений стала складываться карта Северной Земли. Все отчетливее вырисовывались контуры островов, все меньше и меньше оставалось разрывов и пустых мест.

Это потрясло Сергея.

Раньше он пробирался по Северной Земле вслепую, наугад, как зверь, инстинктом угадывал дорогу, часто плутал и путался. Теперь, с новой картой, он будет ходить спокойно, уверенно, как хозяин.

Во второй год зимовки Сергея нельзя было узнать. Он стал энтузиастом, забыл о промысле, с самоотверженным рвением помогал во всех научных работах. И когда карта была закончена, он был горд безмерно.

Север научил Сергея простой и грубой философии: если ты можешь взять, убить - бери и убивай. Побеждает, живет тот, кто сильнее, и помощи ждать неоткуда. В неравной, тяжелой борьбе Сергей привык рассчитывать только на свои силы. Привык драться в одиночку.

Он жесток примитивной жестокостью дикаря. Часто у него бывают вспышки страшной ярости. Под горячую руку он может забить насмерть любимую собаку.

Впрочем, собак Сергей всегда бьет нещадно. Он говорит, что собака должна "уважать хозяина", и даже если она ни в чем не виновата, ее нужно ударить хоть раз в день. Пусть помнит.

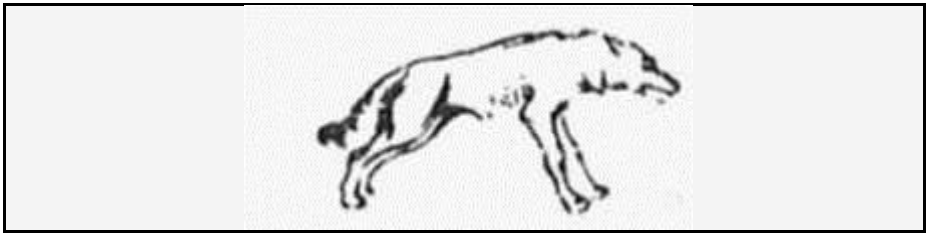
Собаки "помнят" и смертельно боятся Сергея.

У него есть несколько любимцев. Этим живется немного лучше. Но если собака ему не понравится, а сбыть ее некому, он будет методически избивать животное до тех пор, пока не избавится от него.

Сергей повез на зимовку восемьдесят две собаки. Вместе с пушистыми "туземцами"-лайками он взял мохнатых, злых кавказских овчарок, огромных мрачных волкодавов и добродушных сеттеров. Он мечтает, скрещивая эти породы, вывести идеальную промысловую и ездовую собаку.

В пути Сергей кормит собак ровно столько, сколько нужно, чтобы они не подохли.

Собаки шатаются по судну, тощие, вечно голодные, с безумными глазами и высунутыми языками.



Но, несмотря на такой режим, к концу плавания мясо для собак все-таки кончилось. Пришлось зарезать корову, чтобы сохранить собак.

Поэтому, как только ледокол пришел в бухту, промышленники бросились на охоту. Нужно как можно скорее подкормить собак и запасти мясо на зиму.

Моржи вылезли на тонкую льдинку у самого берега. Под тяжестью огромных тел лед обламывается. Звери грузно барахтаются, переваливаясь и фыркая, переползают на землю. На черных камнях пологой отмели тускло поблескивают округлые туловища. Моржи сбиваются в тесную кучу, утыкаются мордами друг в друга. Засыпают быстро и крепко. Изредка зверь вздрогнет во сне, тяжко вздохнет и снова спит, неподвижный как труп. Только один морж часовой - часто подымает тяжелую круглую голову, полузакрытыми глазками зорко поводит вокруг.

Над спящим стадом стоит легкое, белое облачко.

Зверобои на катере подошли к берегу и почти сразу наткнулись на лежку моржей. Лежка была большая, около пятидесяти голов.

Моржи не уходили при приближении людей. Они никого не боятся. Единственный зверь, который мог бы рискнуть померяться с ними силами, белый медведь, очень редко нападает на моржей. Он сохраняет вооруженный нейтралитет. Все остальное не страшно неуклюжему клыкастому великану.

Человек никогда не бывал здесь.

Моржи лежат неподвижно, только сторожевой поднял голову и внимательно смотрит на людей. От любопытства он даже раскрыл сонные прищуренные глазки.

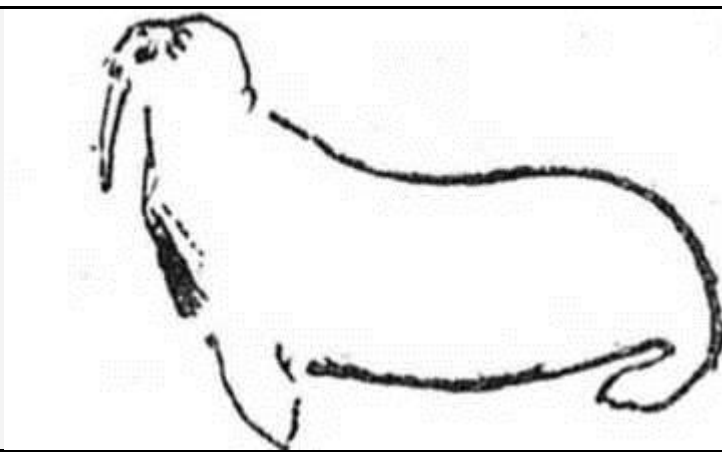
Зверобои подходят совсем близко. Несколько человек осторожно заходят снизу, становятся между стадом и водой, чтобы отрезать моржам отступление.

Сергей идет к сторожевому и медленно поднимает винтовку. Зверь, лениво переваливаясь и добродушно сопя, доверчиво ползет навстречу. Нежные ноздри вздрагивают, принюхиваются к новому запаху, часто моргают карие, блестящие глазки. Сергей целит в глаз.

Сухой треск выстрела - огонь и дым сразу останавливают моржа. Он высоко поднимается на передних лапах и падает с глухим ревом. Большая серая морда заливается кровью.

Тогда начинается избиение.

Промышленники расстреливают зверя почти в упор. Бьют в голову: в нос, глаза или затылок (туда, где сонная артерия). У моржа такая толстая, упругая, как каучук, шкура, что винтовочная пула часто даже не ранит его. Кроме того, дыра в боку или животе портит дорогую кожу.

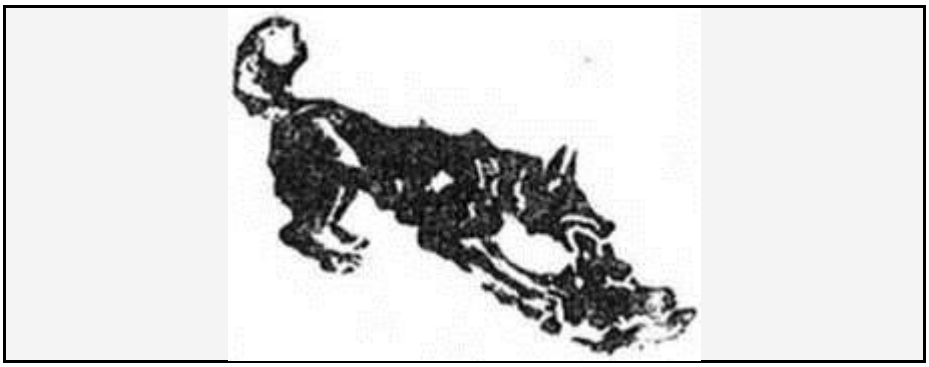


Люди ходят по отмели между огромными обезумевшими животными. Звери хрипло кричат, умирают в грохоте

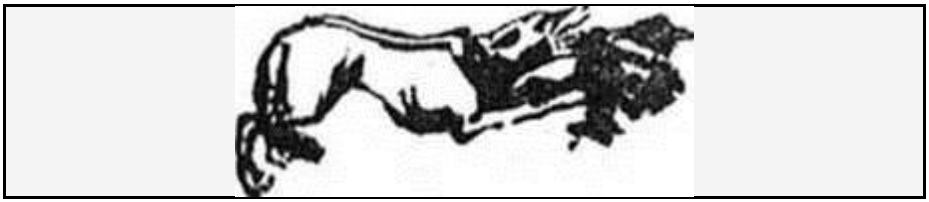
непрерывных выстрелов. Черные камни становятся скользкими от липкой, черной крови.

Зверобои привезли на ледокол трех огромных моржей.

Собаки набросились на теплые еще туши. Шкуры сняты с моржей, и жирное красное мясо кровавой бесформенной горой лежит на палубе.



Волчьи морды собак вымазаны густой дымящейся кровью. Топорщится шерсть на тощих спинах.



Собаки рвут мясо, жадно глотают огромные куски, давятся и икают. Отползают в изнеможении и, отдохнув несколько минут, снова бросаются на великолепную пищу.

Упершись передними лапами, отдирают зубами куски желтого сала. Нажираются до рвоты и засыпают тут же, на окровавленной, грязной палубе.

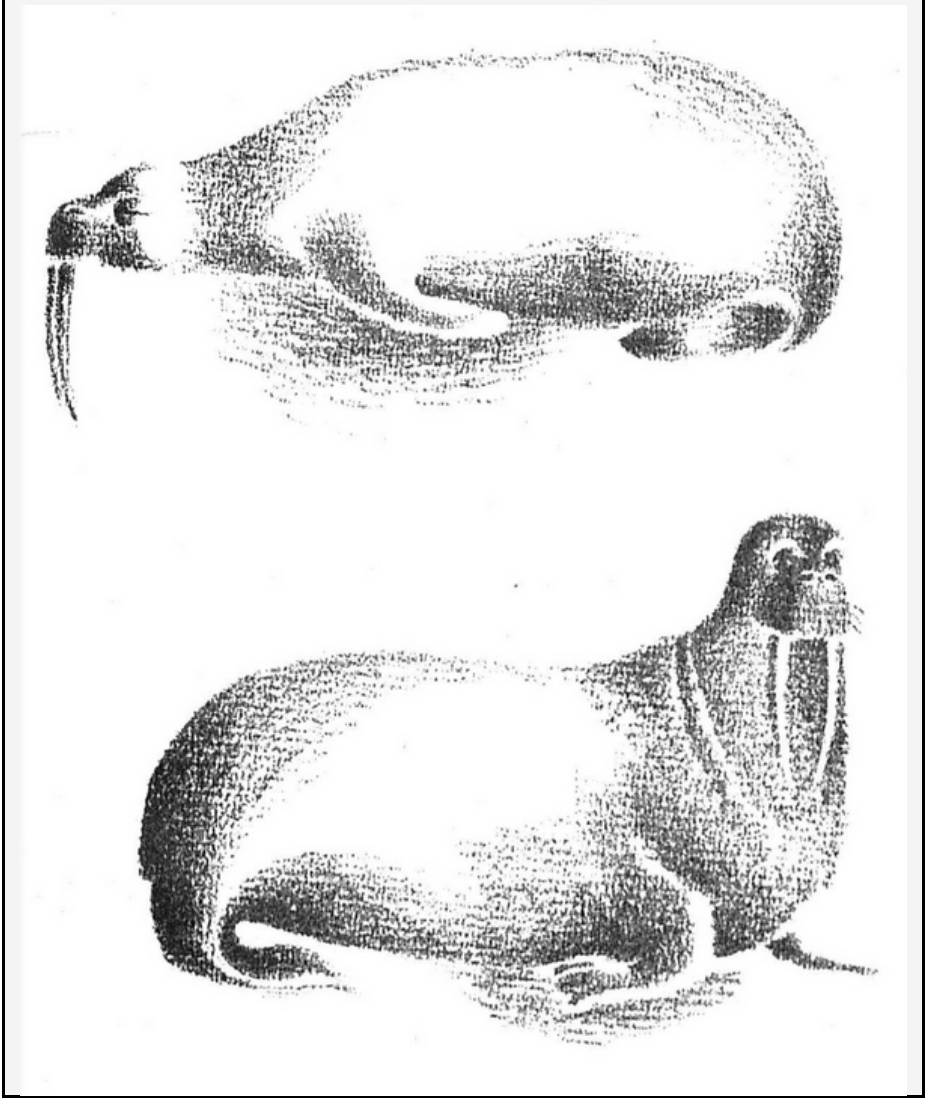
Убитые моржи остались лежать на черной отмели. Зимой туши замерзнут, а весной, когда стает снег, зверобои снимут шкуры, срежут, засолят и упакуют в бочки сало.

По плану артель должна была за целый год заготовить всего двадцать пять моржей. В первую охоту выполнили полностью двухлетний план. Удача!..

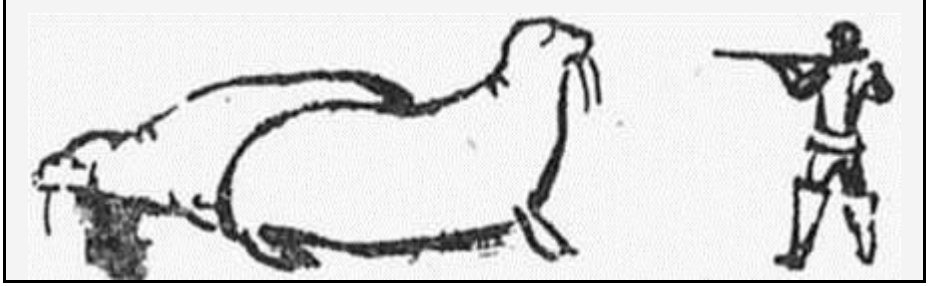
Рано утром, когда начался отлив, моржи снова полезли на берег. Они подплывали к черной отмели и ползли к мертвому стаду. Клыкастые самцы и жирные, усталые самки устраивались на лежку среди холодных уже трупов. Нежные детеныши тесно прижимались к шероховатым бокам взрослых зверей. Моржи спокойно спали, и над отмелью снова поднялось легкое облачко.

Утром Сергей, веселый, полупьяный, поехал на катере к своему "складу мяса". Он сам правит катером, ухарски заломив шапку и посапывая обгорелой трубочкой.

Черная отмель совершенно выступила из воды. Катер ткнулся в каменистое дно. Сергей выскочил, хлюпая по воде сапогами, вышел на берег и пошел к лежке.

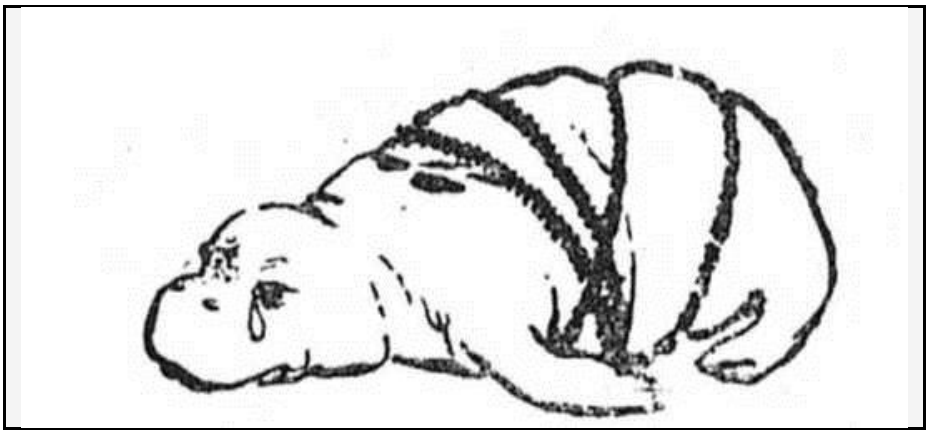


Вдруг, когда он был совсем близко, один из моржей поднял голову. Сергей схватился за винтовку и стал осторожно заходить со стороны воды. Он убил моржа тремя выстрелами, и сразу же еще десять или пятнадцать голов поднялись среди трупов. Сергей лихорадочно стрелял и перезаряжал винтовку. Он перебил всех моржей, а среди окровавленных тел нашел и взял живыми двух маленьких детенышей.



Одного из них Сергей привез на ледокол. Второго оставили на лежке. Его обмотали толстым канатом и крепко прикрутили к врытому в землю столбу.

Двое суток пробыл пленный моржонок на черной отмели. Промышленники приезжали к нему, тыкали палкой в его сморщенное тельце и дразнили его. Моржонок сначала злобно фыркал, потом из больших блестящих глаз начинали капать крупные слезы. Детеныш начинал плакать, широко разевая рот.



На печальный крик из воды высовывались круглые головы. Взрослые моржи подплывали совсем близко.

Зверобои ждали с винтовками наготове.

Детеныш рыдал еще громче. Он рвался к воде и натягивал канат.

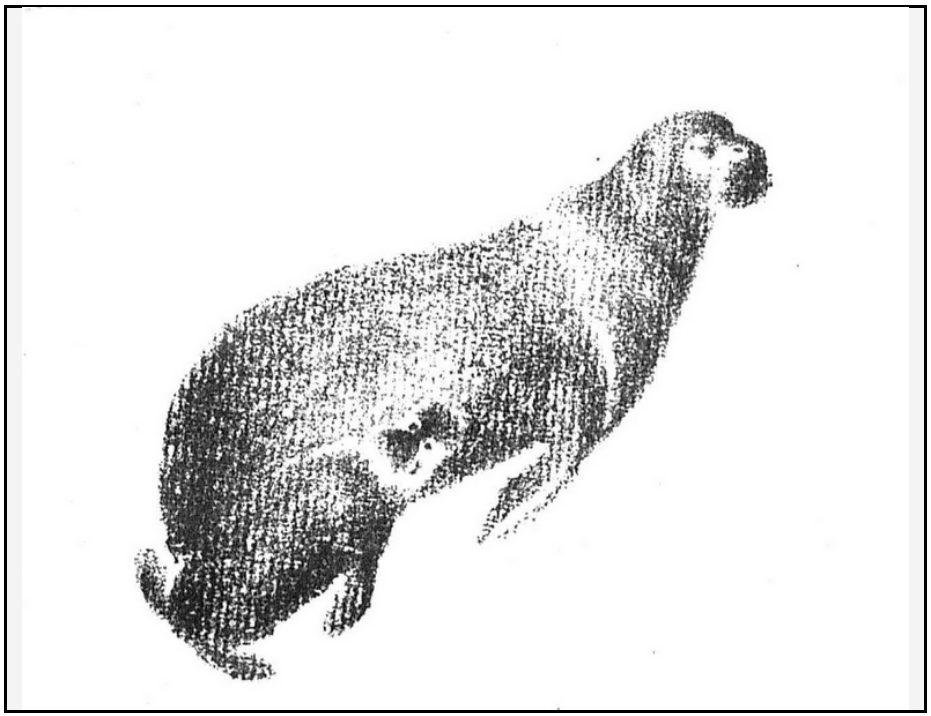
Моржи отвечали глухим рычаньем и лезли на берег. Снова трещали выстрелы. Новые трупы промышленники оттаскивали от воды. Дружная поморская "Дубинушка" раздавалась на пустынном берегу.

Моржонок снова плакал.

Охотники прозвали его "Иудой".

Так продолжалось двое суток. На третьи сутки, ночью, моржи

все-таки утащили детеныша. Утром зверобои нашли петлю пустой. Только один большой морж-самец спал, лежа поперек размотанной веревки. Его убили. Это был последний морж, погибший на черной отмели.



Второго детеныша почему-то прозвали "Абрашей".

Он жил на ледоколе, ползал по палубе, неуклюже переваливаясь на скользких, железных ластах. Первые дни он громко фыркал, огрызался на собак и злобно рычал, если его дразнили. Но от пищи отказывался. Его пробовали поить теплым молоком. Молоко насильно вливали ему в рот. Моржонок все выплевывал.

Через три дня он похудел страшно. Серая кожа стала дряблой, сморщилась и обвисла.

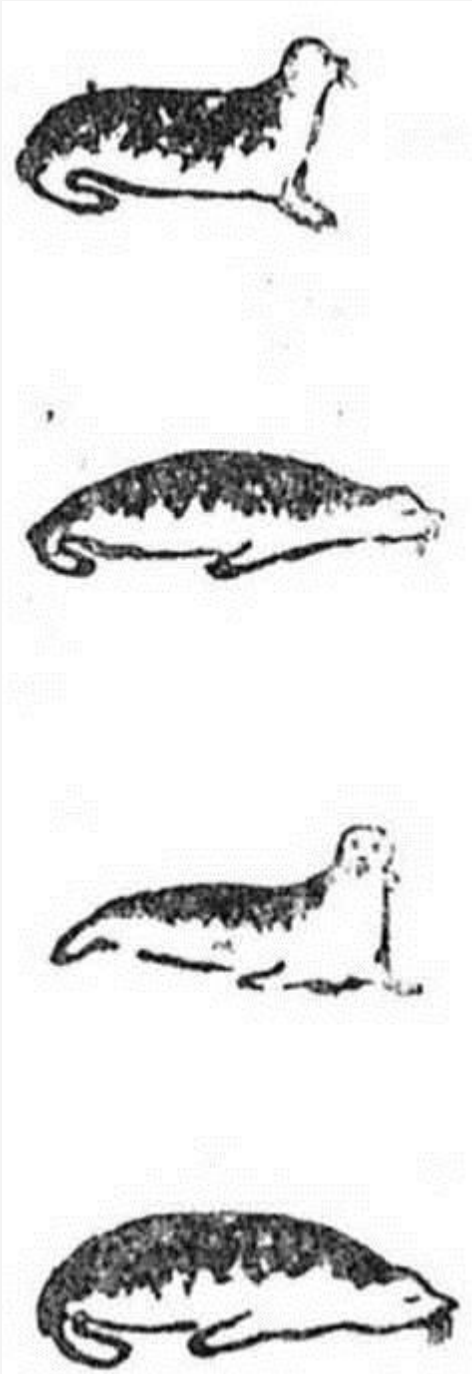
Теперь он все время лежал около паровой лебедки. Ему было холодно, и он прижимался к горячим трубам паропровода. Он обжигался, и на шершавых боках появились гнойные раны.

СТОЯНКА ПО ВОЗМОЖНОСТЯМ

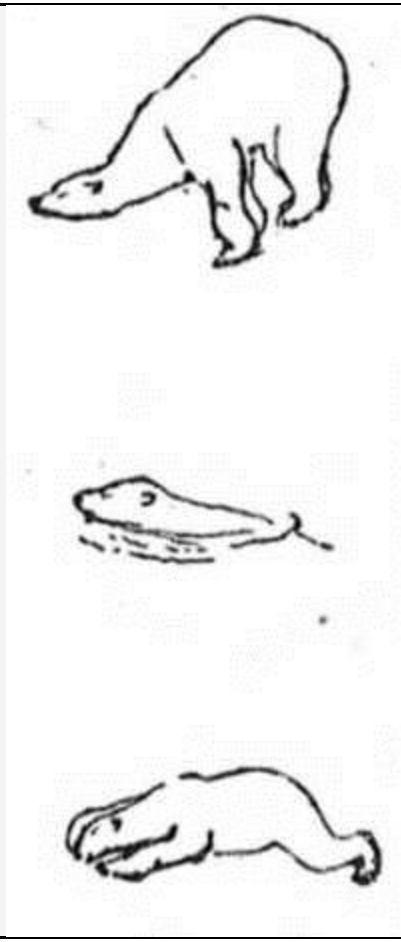
"Заход парохода бухту возможен тчк
правым берегом коса около шести кабельтов тчк
бешеное приливно-отливное течение тчк
стоянка по возможностям".
(Радио капитану парохода от капитана ледокола)

К концу дня начали попадаться мелкие льдины. На горизонте показались лиловые горы материка. Совсем заштилело, и над морем поднялся туман. Лед стал плотнее. Пароходу пришлось сбавить ход, а через некоторое время остановиться. Бухта совсем близко, но из-за тумана нельзя подойти к берегу.

Молодой тюлень вылез на лед и осмотрелся вокруг, высоко поднимаясь на передних ластах. Потом заснул. Спит он маленькими промежутками времени, не больше минуты. Проснувшись, снова поднимает голову, озирается и опять засыпает. Но спит чрезвычайно крепко.



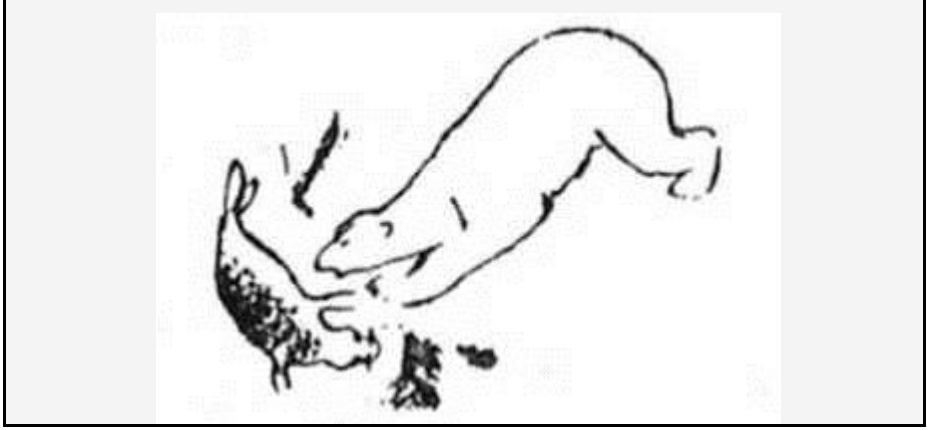
Медведь давно следит за тюленем. Он пробирается вдоль кромки льда, мягко прыгает по торосам, осторожно спускается в воду, неслышно плывет и вылезает на лед.



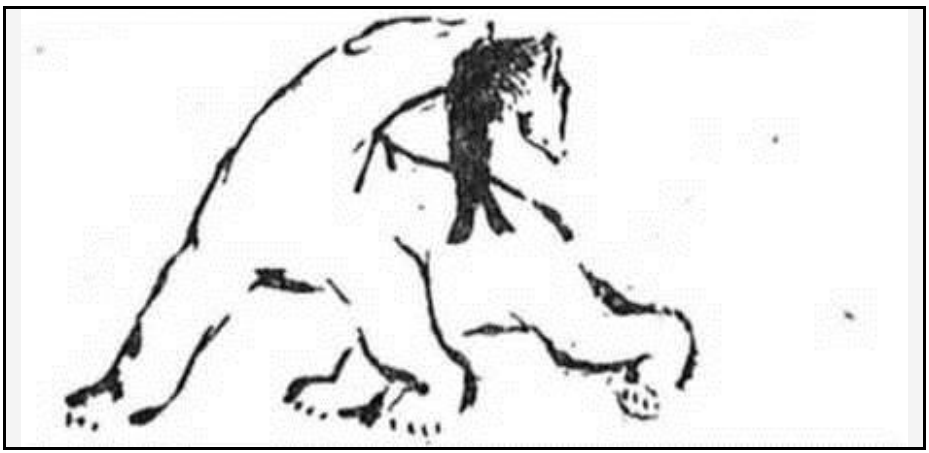
Спустился туман, и медведь подошел совсем близко. Теперь он ползет, распластавшись на льду. Когда тюлень просыпается, медведь неподвижно застывает на месте. Желтоватая, как слоновая кость, шкура совершенно сливается с желтоватым льдом. Только нос и глаза тремя черными точками могут выдать зверя. Поэтому он закрывает морду белой лапой.

Как только тюлень опускает голову, медведь стремительно вскакивает и пробегает еще несколько метров. С каждой минутой сна тюленя он подходит все ближе и ближе. Он уже совсем рядом. Только один острый торос отделяет его от цели.

Тюлень снова засыпает, и медведь коротким прыжком кидается вперед.



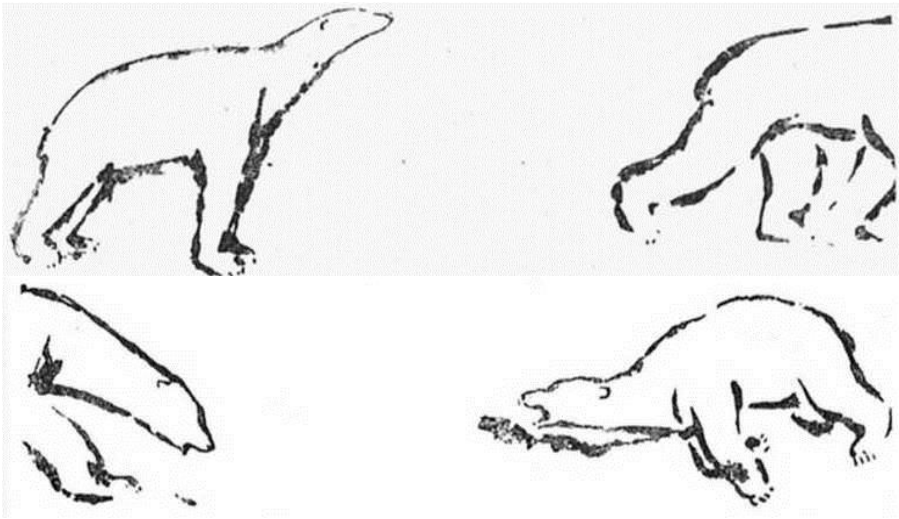
От удара льдина обламывается, и оба зверя исчезают под водой. Через минуту медведь показывается на поверхности. В зубах чернеет добыча. Он медленно подплывает к льдине, вылезает и шумно отряхивается. Начинает пожирать тюленя с головы, раздирая мясо лапами, громко чавкая, перегрызает кости.



Медведь наелся, отошел несколько шагов, привалился к покатому торосу и задремал. Во сне он сыто урчит и громко фыркает.

Его разбудил острый незнакомый запах. Он сразу вскочил и огляделся, высоко поднимая горбоносую, лобастую морду.

Запах щекочет ноздри, но из-за плотного тумана ничего не видно. Любопытство разбирает медведя. Сначала он медленно идет на запах, но чем ближе подходит, тем скорее перебегает от полыньи к полынье, плюхается в воду, плывет и отряхивается на бегу. Теперь он уже слышит странные, незнакомые звуки: шум, голоса и лай собак.



Налетел ветер и разом разорвал пелену тумана. От неожиданности медведь сразу остановился, упершись передними лапами и присев на зад: прямо перед ним, совсем близко, стоит во льду огромный черный предмет. Что-то шевелится и двигается на нем, а вверх подымается густой, едкий дым.

Некоторое время медведь сидит неподвижно. Потом встает на задние лапы, потягивает носом воздух, медленно идет вперед. Вдруг он чувствует жгучую боль в задней ноге и сразу же слышит сухой треск. Он круто поворачивается и хватает зубами воздух. На пушистой шкуре проступает красная точка. Зверь рычит и садится, чтобы облизать рану.

Новый треск, и боль в боку заставляет его сразу вскочить. Ему трудно бежать. Он хромает и ворчит, мотая низко опущенной головой. Третья пуля попадает в живот и валит зверя. Медведь еще пытается подняться.

Он видит, как огромный, страшный предмет поворачивается и движется к нему...

_____

Туман рассеялся как всегда внезапно. Совсем близко открылись берега и вход в бухту. С левого борта заметили медведя. Он стоял на задних лапах, потом опустился на четвереньки и пошел к пароходу. Его убили четырьмя выстрелами, но не смогли подобрать. Когда пароход подошел и с разгону ударился в льдину, труп соскользнул в воду и течение утащило его под лед.

Течение в этом месте оказалось невероятной силы. В узком

горле бухты льдины крутило в стремительных водоворотах.

Пароход шел тихим ходом. Вдруг весь левый борт заскрежетал по дну. Судно страшно накренилось, корму забросило налево и ударило о льдину. Только теперь заметили, что эта льдина прочно стоит на мели: она неподвижна, а вокруг лед плавает свободно.

Отсюда хорошо видна бухта. У левого берега стоит на якоре ледокол. Веселый дым подымается прямо вверх над его трубой.

С парохода спустили шлюпку, и капитан с начальником экспедиции поехали на ледокол. Они договорились, что, когда начнется прилив, ледокол подойдет к аварийному судну и попытается снять его с мели.

К двум часам утра по высокой воде ледокол, осторожно обходя отмель, подошел к правому борту и подал стальной буксир.

Сначала попробовали тянуть с носа. На пароходе буксир пропустили через якорный клюз и закрепили толстыми бревнами. На ледоколе стальной канат обмотали вокруг кнехт на корме. Капитаны с мостика переговаривались в рупоре. В полной тишине слышались попеременно то спокойный, певучий говорок помора - капитана ледокола, то взволнованный, слегка грассирующий голос капитана парохода.

Когда все было готово, на ледоколе прозвонил машинный телеграф, и под кормой забурлила вода. Буксир натянулся. Ледокол стал работать средним, потом полным ходом, но пароход не двигался. Вдруг бревна лопнули с оглушительным грохотом. Канат перерезал их и размотался. Ледокол сразу прыгнул вперед.

Пароход неподвижно сидел на мели...

Тогда попробовали тянуть с кормы.

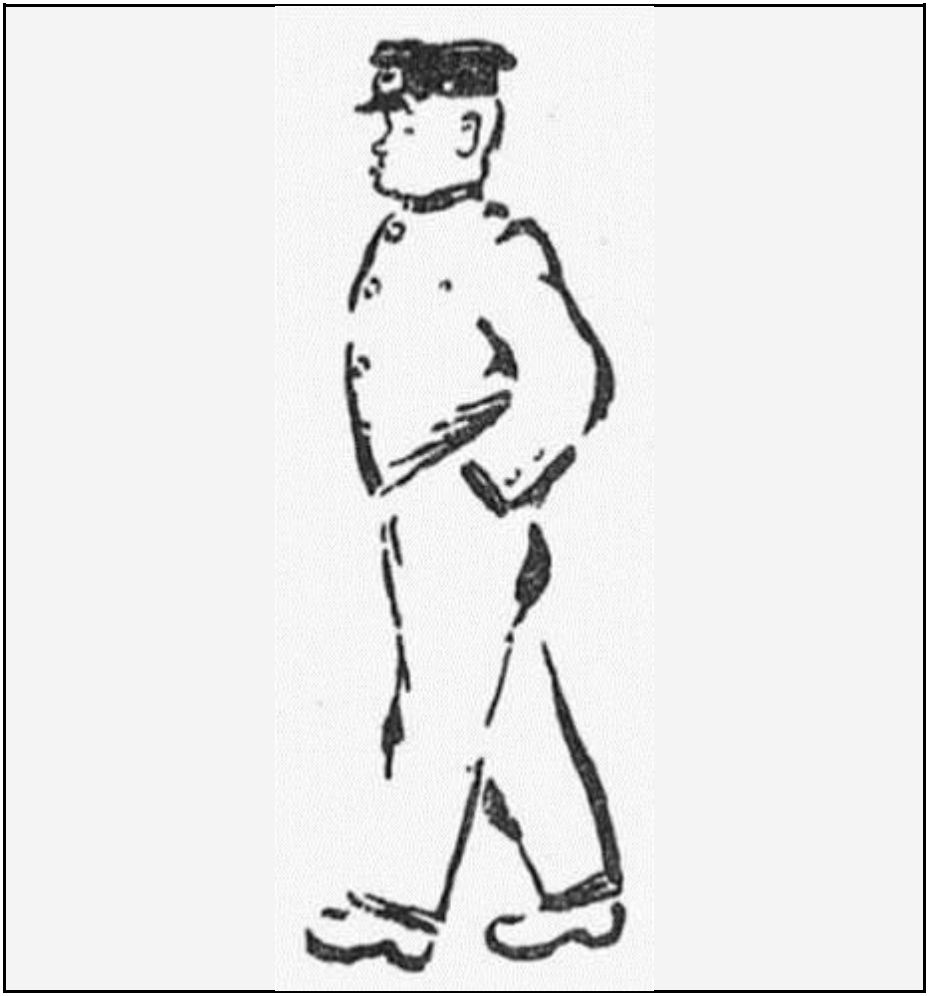
Снова, после долгих приготовлений, ледокол работал "полный вперед", бурлил у себя под кормой и остался на месте. Теперь буксир закрепили за кнехты и на пароходе. Через несколько минут кнехты не выдержали, сломались, и канат стал крушить релинги на корме. Потом он за что-то зацепился и лопнул.

Прилив кончился, вода начала спадать, и ледокол ушел в бухту.

Пароход остался на мели...

Третий штурман парохода считает себя настоящим "морским волком". Толстенький, крохотного роста человечек, он всегда ходит в щегольском кителе и в фуражке с огромным "крабом". Матросы называют его Петухом. Он плавал за границу и в кают-компании бесконечно рассказывает о портовых кабаках и публичных домах. Получается такое впечатление, будто на Западе

нет ничего, кроме проституток и ресторанов. А лучшее место в мире, несомненно, знаменитый Сан-Паули в Гамбурге.



Профессию моряка Петух считает единственной благородной профессией.

Трудная работа усложняется для него массой сложных неписаных "законов моря".

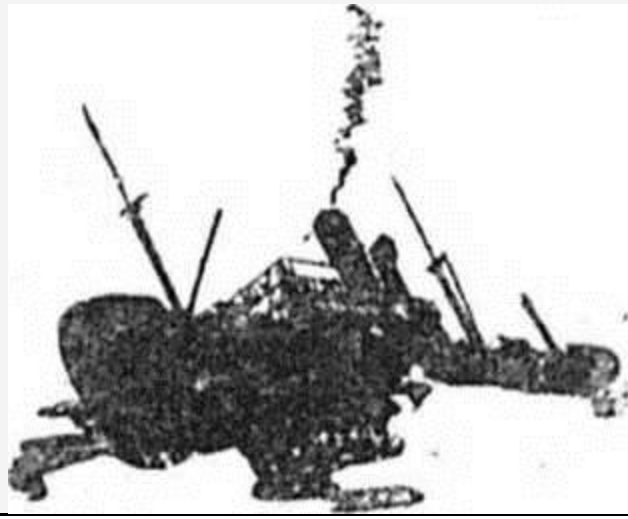
Но штурман он плохой. Он плавает уже давно и никак не может подняться выше третьего помощника.

Севера он не понимает и боится. Он привык к морям, где рейсы судов проторены, как шоссейные дороги.

Морской аристократ, он презирает северных моряков - "трескоедов". Эти люди с тихой, окающей речью, сдержанные и спокойные, всю жизнь проводят в своих холодных морях. Им, воспитанным дикой природой, совершенно не свойственны "морской гонор" и преклонение перед "морскими традициями". Многие из них за границей никогда не бывали и не знают "культуры" европейских кабаков. Начиная от капитана и кончая последним угольщиком, они - простые, наивные люди - совершенно непохожи на "идеал моряка", который создал себе штурман Петух.

Штурмана злит, что "трескоеды" оказались опытнее "настоящих моряков". В кают-компании засевшего на мели парохода он критикует команду маленького ледокола и издевается над "мужицким говором" поморов.

Сильнее же всего он злится на контору Совторгфлота, которая зачем-то послала его в этот проклятый рейс.



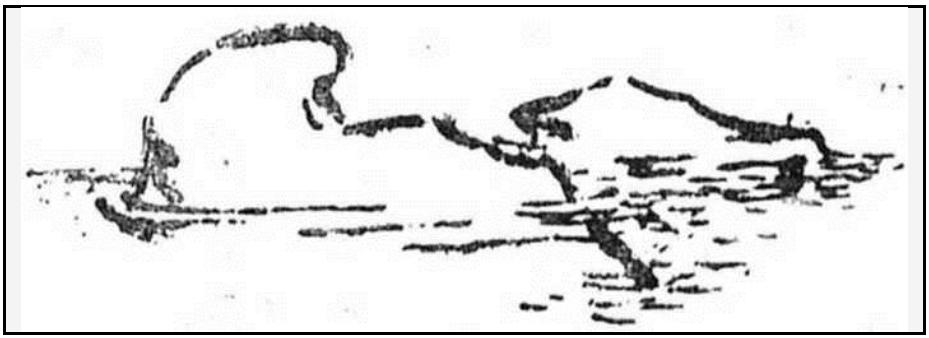
ПРЕСТУПЛЕНИЕ СТАРМЕХА ТРУБИНА

В прилив лед приносило из открытого моря. Большие торосы и мелкие осколки плыли, крутясь и обгоняя друг друга. Льдины забивали всю бухту, сталкивались, громоздились и выпирали на

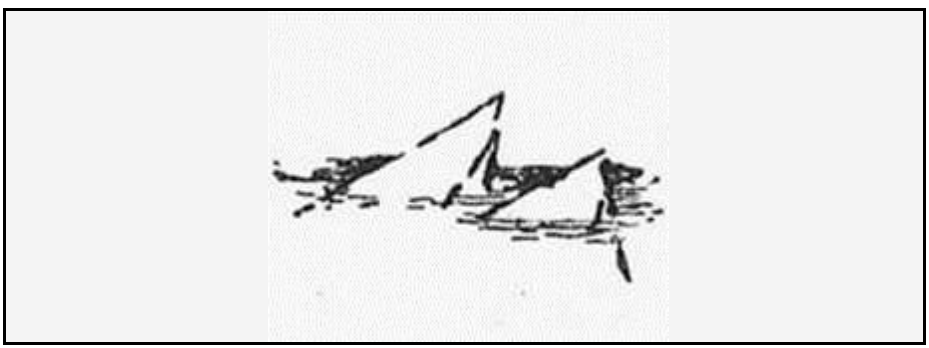
берег. Прилив продолжался шесть часов. Потом бухта застывала неподвижно.

Через полчаса начинался отлив. Льдины шевелились, сначала медленно поворачивались в образовавшихся разводьях, затем все скорее и скорее неслись к морю, шурша в водоворотах.

В узком горле, у входа в бухту, вырастал ледяной затор. Здесь лед уже не шуршал, а ломался с оглушительным грохотом и скрежетом. Вода отступала из бухты. И снова через шесть часов останавливалась. Только кое-где на черном берегу сверкали льдины, выброшенные приливом.

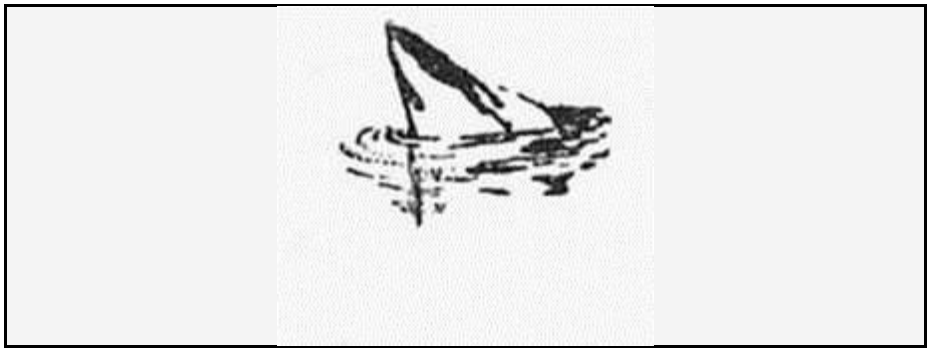


Во время прилива ледокол разворачивался носом к морю. Льдины налетали на форштевень и сотрясали корпус судна. Никакие якоря не смогли бы удержать ледокол. Чтобы преодолеть бешеное течение и оставаться на месте, приходилось работать средним ходом.

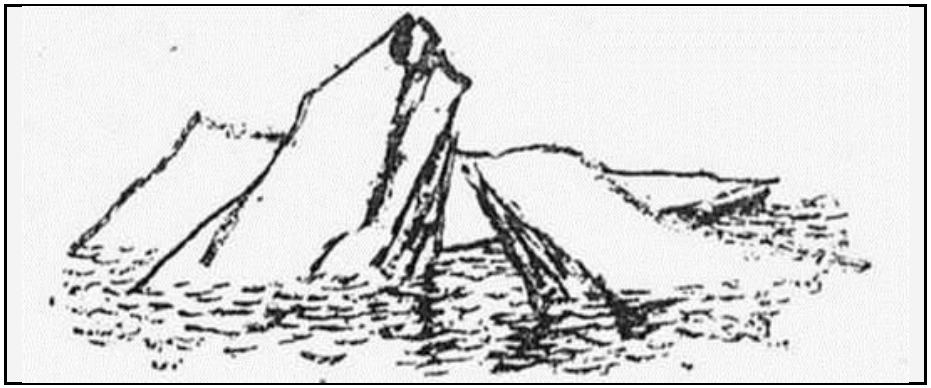


У входа в бухту, беспомощно накренившись, стоял на мели пароход. Льдины наползали на него, и большие поля застревали, упершись в исцарапанный борт. Тогда люди начинали сбрасывать на лед кирпичи, глину, картофель, ящики и мешки. Чтобы сняться с мели, необходимо облегчить вес судна. Сбрасывать тяжелый

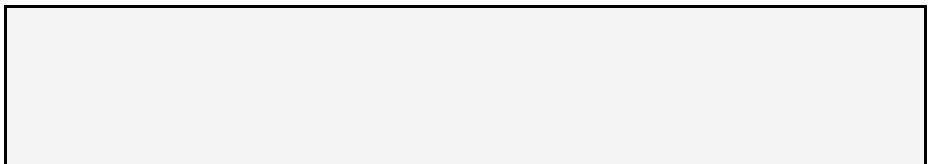
груз прямо в воду нельзя, так как он, опускаясь на дно, увеличит мель. В воду кидали только бревна и доски.

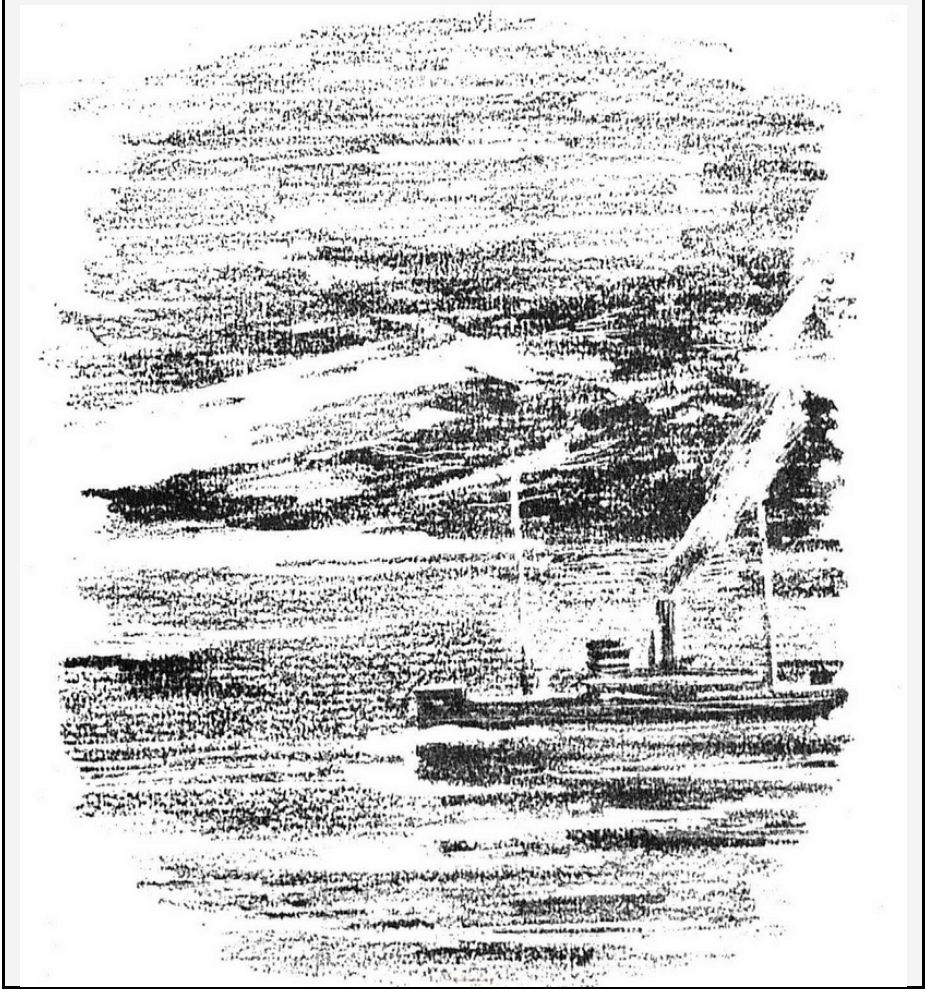


Сначала попробовали отвозить грузы в лодках на берег. Но это было слишком медленно, а становилось все холоднее и холоднее, день заметно укорачивался, ночью вода покрывалась плотным ледяным "салом". Шла зима, и, чтобы спасти судно, нужно было уходить как можно скорее. Поэтому груз сбрасывали за борт.



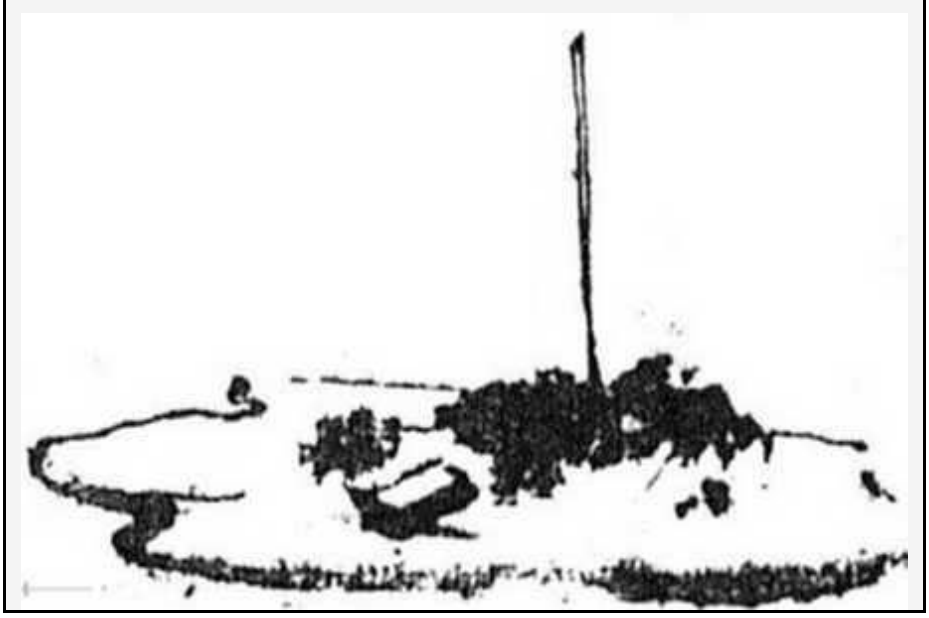
Когда большая льдина подходила к борту, пароход оживал: начинали грохотать лебедки, раздавались слова команды. Часть людей спускалась на лед, часть работала на палубе. Льдина оседала ниже под грудой кирпичей или мешков. Ее относило течением, а новую подтягивали к борту якорями.





На "погруженных" льдинах ставили шесты, и долго было видно, как странные корабли кружились по бухте. Многие унесло в открытое море.

Трубин, старший механик ледокола, очень недоволен бухтой. Он рассчитывал воспользоваться стоянкой и отремонтировать машину, а это проклятое течение не дает ни минуты покоя. Все время звонит машинный телеграф, с мостика требуют то "малый вперед", то "средний", механики мечутся по трапам, в журнале путаные записи бесчисленных риверсов. Разве тут до ремонта? И все-таки в перерывах между приливами, по частям, урывками, Трубин чинит старенькую машину.



Вахтенные штурмана предупреждают его, когда предполагается более или менее спокойная стоянка. Механик спит, не раздеваясь, на диванчике, чтобы не пачкать койку.

Трубин сразу вскакивает, бормоча со сна, натягивает огромные болотные сапоги. Голенища прожжены во многих местах. Механик сует пальцы в каждую дыру и сокрушенно качает головой. Сапоги испорчены уже давно, но он заново огорчается всякий раз, как надевает их.

Потом Трубин открывает умывальник и плещет на лицо солоноватую воду. Вода коричневая от ржавчины. Он вспоминает о том, как мало осталось пресной воды, и снова расстраивается.

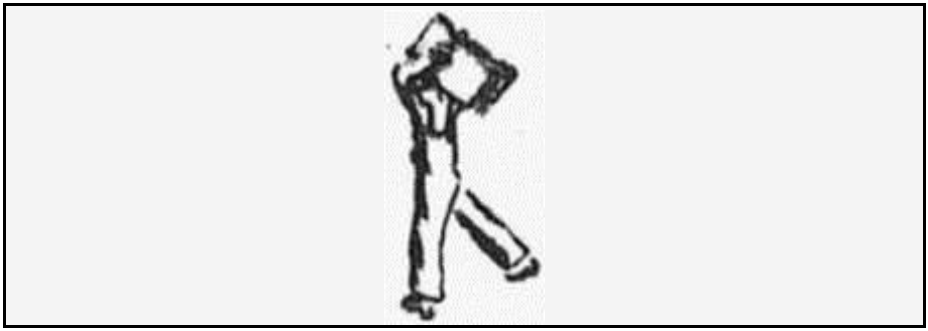
Он достает с гвоздя фуражку и надевает ее перед зеркалом. Тут настроение улучшается. Трубин даже улыбается, рассматривая свое отражение. В плавании он перестал бриться. Подбородок и шея заросли густой ярко-рыжей бородой. На щеках курчавятся пушистые бакенбарды. Борода Трубину очень нравится. Он весело посвистывает и старательно расчесывает замечательную бороду.

Но когда он выходит на палубу, лицо его снова сосредоточенно-мрачное.

Ледокол подходил к аварийному пароходу и пытался стянуть его с мели. Все старания не привели ни к чему, и Трубин расстроился еще больше. Теперь ко всем старым огорчениям прибавилось еще раздражающее зрелище неуклюжего судна, нелепо стоящего на отмели. Трубин не может спокойно видеть, как гибнет такая ценная вещь, как судно.

А судно обязательно погибнет, если его не снять с мели как можно скорее. Через несколько дней бухта замерзнет, и тогда уже никто не сможет помочь пароходу. Если же он будет зимовать здесь, при этих течениях, сидя на мели, лед раздавит его, как скорлупку.

Команда парохода тоже не очень-то нравится Трубину. Разве можно в такой рейс посылать людей, непривычных к Северу? Их и винить-то особенно нечего. Тут свои поморы подчас растеряются.



Но совсем злой становится Трубин после заседания партийной ячейки.

Капитан ледокола и капитан парохода присутствуют на ячейке. Когда ставится вопрос о спасении парохода, оба они начинают разговоры о необходимости просить помощи. Трубин прекрасно понимает, в чем дело: капитан парохода так напуган мелями и всеми неожиданностями северного моря, что теперь боится всего на свете. Ну, а капитана ледокола Трубин знает давно. Он знает о его осторожности, знает, как не любит капитан рисковать. Риск, конечно, есть - ледокол может сам наскочить на мель, - но Трубин понимает, что если вызвать помощь, если заставить какое-нибудь судно бросить все и идти в эту проклятую бухту, то будет сорван еще в одном месте общий план работ в Арктике. Нужно во что бы то ни стало справиться своими силами.

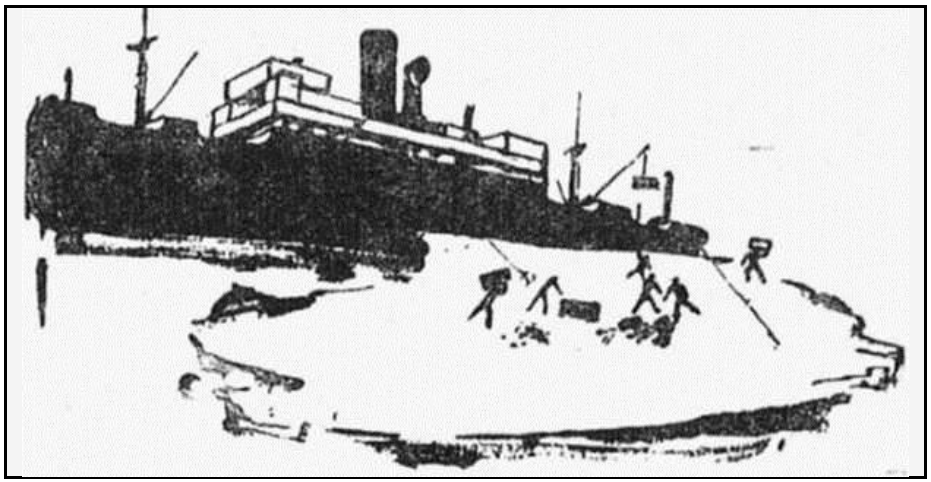
Трубин берет слово. Он старый член партии, он партизанил в гражданскую войну, он прекрасный механик и опытный моряк, его хорошо знают, и у него большой авторитет в ячейке. Он говорит очень горячо, и вся ячейка с ним согласна. Но капитаны - единоначальники на кораблях. В плаваньи их только можно просить, им можно только советовать.

Заседание ячейки затянулось до поздней ночи. Наконец капитанов уговорили еще раз самим попробовать стянуть пароход и, только если это не удастся, звать на помощь.

Трубин, страшно злой, стягивает сапоги у себя в каюте. Он снова разглядывает дыры и думает, что капитан, конечно, побоится "дернуть как следует".

Потянет чуть-чуть, для виду, и запросит: "Помогите!.. помогите!"... И Трубин громко произносит такую энергичную фразу, что матрос, проходивший мимо каюты стармеха, шарахается в сторону.

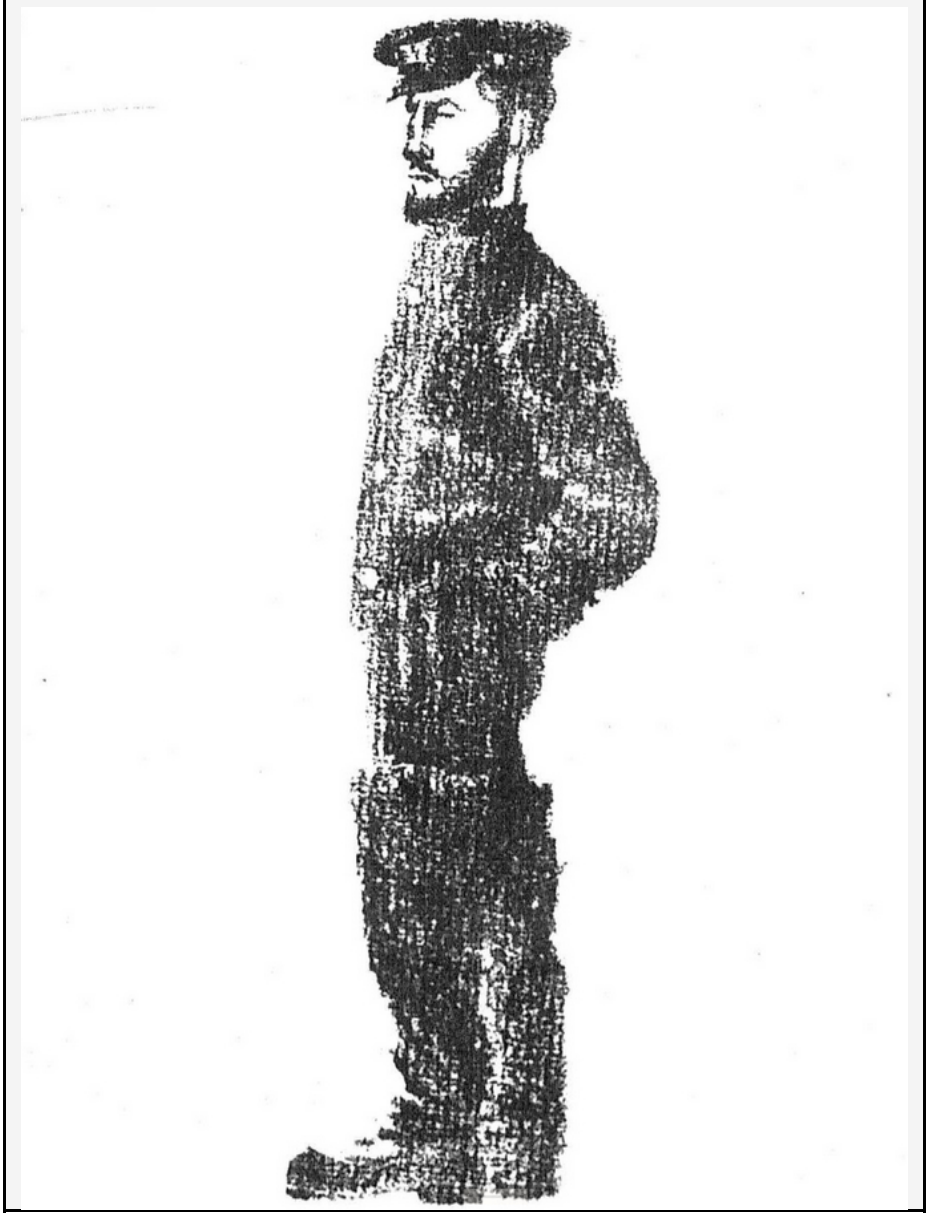
Выгрузка на пароходе продолжается четыре дня. Утром пятнадцатого сентября к борту подогнало большое ледяное поле. Подошел ледокол и тоже стал у льдины. Не прекращая сбрасывать на лед мешки и ящики, начали перегружать на ледокол самое драгоценное: бочки с нефтью и бензином и уголь. Ледокол принял двести тонн угля и двести тонн жидкого топлива. За борт удалось скинуть тоже около двухсот тонн груза. Уже с полудня пароход начал откачивать водяные балласты. К началу вечернего прилива приготовили буксир.



Двойной трос закрепили на носу парохода, и ледокол развернулся кормой к аварийному судну.

Капитан крикнул в рупор, что все готово.

Трубин спустился в машину, скинул меховую куртку и сел на высокий табурет около распределительного щита. Звякнул телеграф, и стрелка показала "малый вперед". Трубин сам перевел рычаги и ответил на мостик. Прошло несколько минут. Телеграф потребовал "средний". Трубин обернулся от рычагов и сказал вахтенному механику, что управится сам.



Механик молча полез по трапу.

Трубин остался один. Он походил вокруг машины, заглянул в кочегарку. Кочегары работали у топок и не заметили его. Машина ровно стучала, спокойно поблескивая шатунами, весело гудело динамо.

Трубин раскурил трубку.

Вдруг телеграф звякнул "стоп". Не успел Трубин ответить, как стрелка прыгнула на "малый вперед", затем на "средний". Потом снова сначала: "стоп", "малый", "средний".

Ледокол переставал работать, буксир ослабевал, и когда после короткой паузы трос сразу натягивался, получался рывок вперед - "типок".

Трубин метался между рычагами и ручкой телеграфа. Но пароход, очевидно, не сдвигался с места.

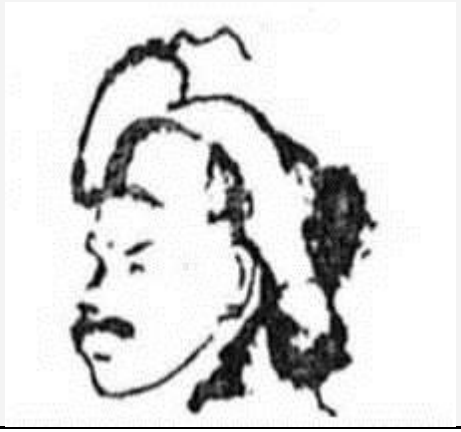
Тогда Трубин оглянулся, еще раз убедился, что он один в машине, и хитро подмигнул сам себе.

Снова телеграф приказал "стоп". Трубин остановил машину. Когда же стрелка стала на "малый вперед", он ответил на мостик, но рычагов не тронул. Держась за рукоятку, он медленно сосчитал "раз, два, три, четыре" - и сразу дал средний ход. Ледокол сильно вздрогнул и рванулся вперед. Телеграф испуганно зазвонил. Трубин точно отвечал на команду с мостика, но, задерживая паузы, усиливал рывки.

Он понимал, что, нарушая приказание капитана, он всю ответственность возлагает на себя одного. Но другого выхода он не видел. Советоваться с кем-нибудь не было времени. Действовать нужно немедленно.

Ему вдруг стало жарко, но не было времени вытирать пот, и тонкие струйки стекали из-под фуражки на всклокоченную бороду.

Капитан от волнения не мог стоять на месте. Он бегал на мостике и, по привычке, что-то невнятно бормотал. Когда Трубин первый раз дернул судно, капитан увидел, как ледокол зарылся носом в воду, как задрожал натянувшийся трос и как заклокотала вода под кормой. Он выругал штурмана, стоявшего у телеграфа, и сам схватился за ручку. Штурман пожал плечами.



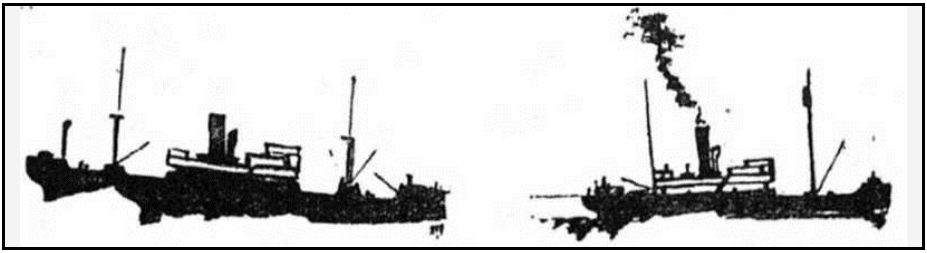
Поглядев на стрелку, капитан осторожно перевел на "стоп". Машина остановилась. Капитан сразу дал "малый вперед". Телеграф звякнул ответ, но ледокол не двигался. Минутная пауза показалась капитану невероятно длинной. Потом ледокол опять нырнул носом и задрожал от толчка.

На корме что-то закричали, по палубе побежали люди. Капитан обмер: ему показалось, что буксир лопнул и что ледокол с разгону уже вскочил на мель. Он бросился к трапу и столкнулся со штурманом. Штурман был без шапки, волосы развевались по ветру. Он размахивал руками и кричал без перерыва: "Пошел!.. Пошел!.. Пошел!.."

Тогда капитан увидел, что пароход медленно-медленно поворачивается. Он рванулся к телеграфу и дал "полный вперед". С парохода охрипший голос орал в рупор то же слово: "Пошел!.. Пошел!.. Пошел!.."

Капитан скомандовал рулевому "лево на борт" и забормотал, ударяя в такт кулаком по релингам: "Пошел... пошел..."

Пароход сошел с мели...



Трубин вылев на палубу и вытер бледное лицо влажным платком.

Он сказал вахтенному механику, чтобы тот шел вниз.

1934

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие В. Визе 5
Торжество 11
Холодное море 17
Анатолий Дмитриевич 27
Соймико 39
Охота 43
Стоянка по возможностям 55
Преступление стармеха Трубина 63

№ 516

Отпечатано для Изд-ва Писателей в Ленинграде тип. им. Володарского. Ленинград, Фонтанка, 57, в количестве 10.500 экз. Авт. листов 2,2. Заказ № 3065. Ленгорлит № 23119. Автолитографии, переплет и суперобложка автора. Сдано в набор 7/VII 1934 г. подписано к печати 26/IX 1934 г. порядковый № 90. Формат бумаги 72 × 110. Тип. зн. в 1 печ. листе 22.528. Ответствен. редактор М. Сергеев. Технич. ред. И. Серов.

1934